

КАМЕНЬ ДУХОВ

АЛЕКСАНДР
КЕРДАН

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Александр Борисович Кердан

Камень духов

Серия «Берег отдаленный...», книга 2

Серия «Исторические приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10897927

Камень духов: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-7520-1

Аннотация

Роман «Камень духов» является продолжением историко-приключенческой дилогии «Берег отдаленный». Читатель снова встретится с отважными русскими первопроходцами, вместе с ними отправится на самый юг Русской Америки – в Калифорнию, в форт Росс. Необыкновенные приключения, победы и поражения, радость встреч и горечь утрат предстоит пережить всем любителям остросюжетной литературы вместе с героями нового романа Александра Кердана.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Кердан

Камень духов

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Часть первая В Новом свете

Глава первая

1

Солнце стоит в зените. Горячий воздух мерно колышется над бурыми травами прерии, искажая расстояния, размывая контуры отрогов Берегового хребта, заслоняющего раскаленную равнину от свежего дыхания океана. Сушь и безмолвие царят здесь. Кажется, солнце выжгло дотла все живое. Однако жизнь продолжается. В глубоких норах ожидают прихода сумерек барсуки и койоты. Мустанги и антилопы, прячась от зноя, залегли в поросших чапаралем и мезкитами лощинах, стараясь держаться поближе к пересыхающим водоемам. Только гремучки да грифы легко переносят жару. Змеи, свернувшись кольцами, лежат на солнцепеке, наполняя свои холодные тела смертоносным ядом. Стервятники парят в вышине, выискивая добычу. Ничто не ускользнет от их немигающего взора. Но – тихо и пустынно вокруг, только качается над прерией зыбкое марево.

Вдруг один гриф, матерый, с черно-белыми крыльями, замер в поднебесье – так случается, когда он замечает поживу. И верно – черная точка показалась у горизонта, быстро увеличиваясь в размерах. За ней – еще одна, другая... много движущихся точек, то исчезающих, то появляющихся вновь в клубах красновато-коричневой пыли. Вот уже стали видны лошадиные морды, быстро мелькающие копыта, фигуры наездников, нахлестывающих своих коней. С высоты легко заметить: всадник, скачущий впереди, старается оторваться от остальных; те же – догоняют его. Гулко гроыхают в руках преследователей длинные черные палки, посылая вслед беглецу огненные молнии. Грифу знакома их страшная сила. Давно, когда он был еще молод, одна из таких молний пробила ему левое крыло. И хотя рана зажила и гриф снова смог летать, он навсегда запомнил: нельзя приближаться к двуногим, у которых есть такие палки. Но опыт также подсказывает стервятнику – сейчас ему бояться нечего: если двуногие преследуют себе подобного и мечут в него молнии, грифу в конце концов будет обеспечена добыча. Предвкушают пиршество и пернатые сородичи, слетающиеся со всей округи и неотступно сопровождающие бешено мчащуюся по прерии кавалькаду.

А там, внизу, дело, похоже, близится к развязке. Расстояние, отделяющее всадника-одиночку от погони, сокращается. Пули заставляют его все чаще пригибаться к шее скакуна. Конь тяжело храпит, роняя с боков пену, и не разбирает дороги. Вот полетели в разные стороны ошметки змеи. Не дай Бог попасть копытом в суслицью нору. Но цена выигрыша в этой гонке слишком высока – жизнь! Вот почему, повинувшись шенкелям, жеребец сделал неимоверное усилие и чуть-чуть увеличил отрыв.

Все ближе громада гор, подножья которых поросли колючим кустарником. Там – много ущелий, пещер, где можно скрыться. Но удача изменила беглецу. Один из преследователей, пытаясь опередить всадника, скакал теперь на расстоянии выстрела справа от него. Выпущенная им пуля попала в голову скакуна. Он, пробежав по инерции несколько ярдов, рухнул, придавив всадника. Тот сделал попытку высвободить ногу – безуспешно! С криком всадник откинулся навзничь и закрыл глаза, точно покоряясь судьбе. Топот раздается рядом. Вот-вот выстрел поставит точку в этой погоне.

И выстрелы действительно прогремели, только с другой стороны, издалека. Один залп, второй... До слуха поверженного всадника донеслись проклятья и стоны его врагов, несколько разрозненных выстрелов с их стороны, потом раздался удаляющийся конский топот и звук чьих-то приближающихся шагов. Беглец увидел склоненные над ним загорелые лица в бескозырках. Сильные руки приподняли мертвого скакуна, помогли всаднику подняться.

Он смог наконец рассмотреть спасителей – окруживших его людей в запыленных темно-зеленых мундирах, с тесаками на белых ремнях и ружьями в руках. Незнакомцы, в свою очередь, разглядывали юношу, одетого на мексиканский манер – в сомбреро, канцонеро и серапе.

– ¿Habla Usted el español? – с акцентом спросил юношу один из спасителей, с густыми эполетами и пронзительным взглядом серых глаз.

– Sin duda... – неожиданно высоким голосом ответил спасенный, к лицу которого, еще мгновение назад бледному, от пристального взгляда собеседника прихлынула краска.

– Muy bien, – в дальнейшем разговор протекал на испанском, только время от времени сероглазый оборачивался к своему коренастому рыжеволосому товарищу, тоже – при эполетах, и что-то говорил ему на незнакомом языке.

– Похоже, у вас сегодня был жаркий денек? – не то спросил, не то высказал собственное мнение офицер. – Как ваша нога?

– Благодарю вас, сеньор, со мной все хорошо... А вот мой Амиго... – при взгляде в сторону мертвого скакуна тень набежала на лицо юноши, как будто он хотел заплакать. – Если бы не эта злосчастная пуля, им никогда бы не догнать нас!

– И все же вы очень рисковали, путешествуя по прерии в одиночку... Думаю, эти люди не были вашими друзьями... – офицер указал на тела четырех преследователей, вокруг которых уже расселись грифы.

– Это не люди, сеньор! Бандиты...

– Вы говорите об инсургентах?

– Это – бушхедеры, как их называют американцы, сброд, не признающий никакой власти вообще... Если бы не вы, кабальерос... Увы, я не знаю ваших имен...

– Прошу покорнейше простить, забыл представиться: Российского флота лейтенант Завалишин Дмитрий Иринархович... А это, – обернулся он к своему товарищу, тут же, словно по команде, склонившему голову в треуголке, отчего явственно проступил шрам на его подбородке, – честь имею рекомендовать: мичман Нахимов Павел Степанович! Как позволите величать вас, сеньор?

– Сеньорита... – неожиданно ответил тот, вернее, та, которую так долго принимали за юношу, снимая свое сомбреро и рассыпая по плечам каштановые волосы. – Мария Меркадо!

2

Нам не дано помнить свое рождение. Из всех дарованных свыше благ эта амнезия – самая животворящая...

Растет в материнском чреве младенец. Нет для него места уютней и надежней во всей Вселенной. Нет до той поры, пока неизвестная сила не погонит его по тесному проходу к новой жизни...

Что это за путь! Как описать сопровождающие его страдания! Трещат и рвутся сухожилия, раздвигаются казавшиеся неподвижными тяжелые кости, дикие спазмы содрогают роженицу и ее дитя, нестерпимая боль пронзает тело... Кровь, стоны... Первый крик новорожденного!

И если для матери все пережитое – это своего рода искупление за плотские радости, то для младенца – горькое предостережение о тех муках, которые ждут его впереди.

Страшно рождаться! Страшно жить! Страшно умирать!

Не оттого ли, сжалившись, и дарует нам Бог еще в материнской утробе чистую и непорочную душу, верующую в свет, в добро, в бессмертие... Не оттого ли Он лишает нашу телесную оболочку страшной памяти о перенесенных при рождении мучениях? И только где-то в уголках подсознания остается ощущение, что мы помним общую с матерью безжалостную боль. Боль эта одна уже делает нас с нею самыми близкими людьми. И как бы ни складывались потом наши отношения с матерью, какие бы изменения ни претерпели они под воздействием внешних обстоятельств, над этой близостью и взаимосвязью не властно ничто, даже смерть, ибо боль утраты не сильнее боли рождения – она только часть того, что пережили мы в миг вхождения в этот мир.

Каково же тому, кто просто не успел осознать этой вечной взаимосвязи, кто был оторван от материнской груди в малолетстве, кого несчастный рок лишил матушкиной доброты и ласки в самом начале жизненного пути? Обречен он всю жизнь ощущать горькое свое сиротство и изначальную неполноценность по сравнению с другими людьми. Эти чувства и определяют во многом дальнейшую судьбу человека, делая его завистливым и скрытным или же, напротив, сердобольным и жертвенным. Точно за ту не восполнимую ничем детскую потерю Провидение то предлагает несчастному вершины власти, желание громких подвигов во имя человечества, то наделяет его холодной расчетливостью и эгоизмом, низвергает в бездны безвестности... Одним словом, сиротливое детство почти не оставляет человеку никакой возможности держаться в жизни середины. До конца дней своих обречен он жить на полюсах.

Вы скажете, что бывают исключения из общего правила... Наверное, они есть. Однако Дмитрий Иринархович Завалишин к таковым не относился.

Сын генерала, инспектора путей сообщения империи, головокружительная карьера которого вызывала откровенную зависть у окружающих, Дмитрий в раннем возрасте потерял свою мать Марию Никитичну, умершую от скоротечной чахотки. Болезнь у молодой и цветущей женщины открылась вследствие неожиданной и несправедливой отставки супруга. Иринарх Иванович отправил свое семейство в Оршанское имение тестя – бригадира Черняева, а сам поехал в Санкт-Петербург – искать справедливости. По прибытии в отчий дом матушка Дмитрия и скончалась. Старики Черняевы, потрясенные смертью дочери, угасли вслед за ней. На руках у генерала Завалишина остались четверо детей: сыновья Николай, Дмитрий, Ипполит и дочь Екатерина.

Что касается старшего – восьмилетнего Николая, то он был тут же отведен в пансионат Ульриха при Морском корпусе. Остальные дети, переданные на попечение дядек и гувернантки, росли уединенно, в стороне от ровесников и веселых игр. Генерал, которому спуская какое-то время были возвращены и должность, и царские милости, большую часть времени проводил в служебных разъездах и воспитанию детей серьезного внимания уделить не мог. Впрочем, он считал своим долгом следить за тем, чтобы прислуга сирот не баловала, и в свои короткие наезды лично занимался с мальчиками географией, астрономией и военным делом. Несмотря на то что Иринарх Иванович славился среди сослуживцев радушием и склонностью к поэзии – его исторические поэмы даже публиковались в одном из столичных журналов (правда, под псевдонимом), – Дмитрию он запомнился сухим и вечно занятым своими мыслями человеком. Одно хорошо – отец разрешал брать любые книги из своей библиотеки и никогда не прогонял мальчика из кабинета, когда там собирались гости: вельможи, офицеры, иностранцы, коих в Твери, где после смерти родственников обосновались Завалишины, было предостаточно. Из оживленных и откровенных бесед в отцовском кабинете Дмитрий узнавал об окружающей жизни едва ли не больше, чем из прочитанных книг.

А потом грянул двенадцатый год. Отлучки батюшки, руководившего доставкой продовольствия для действующей армии, стали еще более частыми и продолжительными. Домашняя жизнь младших Завалишиных протекала все так же скучно и однообразно. Именно в это время в обиход Дмитрия к слову, научившегося грамоте уже в три года, – прочно вошли газеты. Сначала он, по поручению отца, просто раскладывал их в определенном порядке на специальном столе. Затем – увлекся чтением и со временем, благодаря отменной памяти, сделался для брата, сестры и прислуги толкователем того, что происходит в мире.

В газетах почерпнул Дмитрий сведения и об оставлении Москвы войсками Буонапарте, и о победоносном вступлении союзной армии в Париж, и... о намерении своего сорокачетырехлетнего отца жениться во второй раз на девице Надежде Львовне Толстой. Вскоре от отца пришло письмо, в котором он подтверждал эту новость, но убеждал своих чад, что совершает столь решительный шаг только ради их блага. Такое же мнение утвердилось и в свете – Толстая была уже не молода, не хороша собой и не богата...

Свадьба состоялась в Казани, где Иринарх Иванович находился по делам службы. Новая супруга обещала генералу заменить его сиротам умершую мать, быть ему доброй и верной подругой. Вышло иначе. Порядки, заведенные Надеждой Львовной, пришлось не по душе не только Дмитрию и Екатерине, но и самому Иринарху Ивановичу. Толстая оказалась неважной воспитательницей для детей и нерачительной хозяйкой. С ее приходом в дом Завалишиных ворвалась шумная светская жизнь с присущими ей визитами, танцами, картами допоздна. В то же время, желая показать свое усердие в воспитании приемных детей, мачеха уволела всех учителей и принялась давать уроки сама. Но это занятие вскоре наскучило ей, и дети были предоставлены самим себе. Исключением являлся младший – Ипполит, коего Надежда Львовна баловала чрезмерно и постоянно демонстрировала гостям, словно вывеску: мол, и чужого ребенка можно любить, как своего... Шаловливый Ипполит умело пользовался этим и озорничал все более. Когда же приходил черед отвечать за проказы, виноватым почему-то оказывался Дмитрий...

Доведенный до отчаянья мачехиными придирками, мальчик упрямился отцу поскорей отослать его в Морской корпус, куда, по тогдашней моде, был записан еще с рождения.

...Корпус запомнился Дмитрию не отроческими забавами и проделками, будь то набег на огороды горожан или избиения проворовавшихся поваров, а возможностью наконец-то заниматься любимыми науками. Приверженность Завалишина учебе поначалу даже сделалась среди его новых товарищей предметом насмешек, но вскоре сменилась уважением и, более того, столь несвойственным для юных голов покровительством. «Тише, тише! – одергивали расшумевшихся соучеников гардемарины. – Наш зейман сел заниматься!»

Возможно, такое расположение к Дмитрию объяснялось его готовностью помочь решить самую трудную задачу. Впрочем, вероятно и другое: будущие моряки на практике убедились, какими незаменимыми оказываются теоретические познания в море. В первом же походе на корпусных фрегатах Завалишину, единственному из гардемарин, было доверено командовать вахтой... И с этим поручением он справился отлично! Гардемарины побывали в Швеции и Дании. Помимо новых впечатлений и навыков в этом походе Дмитрий приобрел новых друзей. Он познакомился с Павлом Нахимовым, пришедшим в корпус на год позже Завалишина, но за усердие в учебе взятым в плаванье вместе со старшекурсниками. От природы сутуловатый Нахимов был на редкость живым и подвижным юношей, инициатором разных опасных забав. Участвуя в одной из них – беганье по борту корабля, Павел заработал себе отметину на всю жизнь: зацепившись ногой за ванты, он упал на палубу и рассек подбородок о железное кольцо... В подобном упражнении на ловкость и смелость поранил ногу и Дмитрий. Но что значат ушибы и царапины и даже выговор корпусного офицера, если сам ты ощущаешь себя настоящим моряком?

По возвращении из похода Завалишина ожидал сюрприз: его, пятнадцатилетнего гардемарина, назначили на вакансию преподавателя астрономии и математики. На этой офицерской должности он и находился до самого производства в мичманы.

Потом были служба командиром вахты на тендере «Янус» в Кронштадте, мечты о дальних океанских походах и... неожиданное предложение вернуться в родной корпус ротным офицером. Стремящийся к деятельной флотской службе, Дмитрий не давал согласия на перевод, пока не получил письмо от отца, в котором тот запрещал сыну отказываться «от небывалой чести в такие лета и в таком чине воспитывать своих сограждан».

Так начался петербургский период службы новоиспеченного лейтенанта. Это было время, переломное во всей судьбе Завалишина. Он приобщился к политической жизни столицы, познакомился со многими интересными людьми... Среди новых приятелей молодого корпусного офицера оказались и советник испанского посольства в России Кальдерон-дела-Барк, и пленный французский генерал, уроженец далекого острова Гаити, темнокожий Бойе, вскоре женившийся на крепостной девушке Льва Васильевича Толстого – отца мачехи Завалишина. Близко сошелся Дмитрий и со знаменитым мореплавателем вице-адмиралом Головинным, известным по своему плену в Японии и запискам о кругосветном плавании на шлюпе «Диана». Василия Михайловича, только что назначенного помощником директора Морского корпуса, и молодого лейтенанта – людей столь разных и по возрасту, и по чинам, – сблизили откровенные разговоры о судьбах Российского флота, переживавшего в эти дни не лучшие времена... При морском министре маркизе де Траверзе все ключевые посты оказались заняты чопорными англичанами или выскочками и подхалимами. Злоупотреблениям и казнокрадству было несть числа, а желание перемен со стороны честных офицеров наталкивалось на равнодушие и непонимание флотских чиновников. Головинин много рассказывал своему новому товарищу о пережитом, делился планами переустройства флота и доброжелательно выслушивал предложения Дмитрия по изменению всей системы обучения будущих мореходов.

Именно адмирал ввел Завалишина в дом командира гвардейского корпуса генерала Лариона Васильевича Васильчикова, где собирались те, кого интересовали не столько жизнь двора и придворные интриги, сколько мировая и внутренняя политика. Здесь открыто велись разговоры, осуждающие фаворита Аракчеева и его военные поселения, споры о греческом восстании под началом Ипсиланти и о героическом испанце Риго, обсуждалась дипломатия канцлера Меттерниха и вмешательство России в дела Германии... Из уст в уста передавались сатирические стишки о высших сановниках и даже о самом государе императоре: «Царь наш немец русский, носит мундир прусский!»

Одним словом, жизнь российской столицы начала 20-х годов XIX столетия, так или иначе, возбуждала и направляла мысли и толки лучших представителей общества на предметы политические. В воздухе носились слухи о создании и закрытии то там, то тут каких-то тайных организаций, масонских лож, литературных вольнолюбивых обществ, мистических орденов. Каждый день был насыщен событиями, вызывающими или взрывы общественного одобрения, или бури негодования. И неудачные правительственные реформы внутри страны, и невнятная внешняя политика Кабинета министров, и все-таки временщик, и сам склонный к мистицизму самодержец – все давало к этому повод. Но если в модных салонах ограничивались разговорами, то в офицерской среде недовольство настоящим положением служило побудительным мотивом к поступкам во благо Отечества...

Завалишина, со всем пылом молодости окунувшегося, как бы сказала его бабушка, в «политикес», споры и дискуссии привели к неожиданному выводу: узлом и средоточием неудач в мировой и внутренней политике России является любимое детище Александра I – Священный союз. Понимая, что для императора и других европейских монархов

союз казался панацеей от всех социальных катаклизмов, а для либералов – главным злом, Дмитрий решил привести к согласию эти две непримиримые позиции. Он еще не утратил веры в государя как доброго отца своих подданных и человека, спасшего Европу от тирании могущественного корсиканца, и потому написал царю письмо.

Завалишин призывал восстановить нравственность в отношениях между народами, поставить общие отношения справедливости и благосостояния человечества выше национальных и личных интересов. Более того, Дмитрий уже готовился отправиться во дворец, чтобы потребовать свидания с императором, где и склонить Александра к преобразованиям, но тут получил от капитана второго ранга Михаила Петровича Лазарева приглашение идти с ним вокруг света на фрегате «Крейсер».

Благие намерения мирового переустройства диктовали Завалишину необходимость остаться в Санкт-Петербурге. Но желание повидать разные страны, испытать свои волю и характер в кругосветном плавании и тем самым лучше подготовиться к великой миссии реформатора взяло верх.

По прибытии на фрегат лейтенант был назначен главным ревизором экспедиции. Эта должность совмещала в себе обязанности начальника канцелярии, полкового адъютанта, казначея и собственно ревизора всех хозяйственных частей: провиантской, шкиперской, артиллерийской и штурманской. В истории российского флота должность ревизора доселе занималась только старшими офицерами! Лишь особый запрос в Морское министерство, направленный Лазаревым, находившимся в чести (он недавно вернулся из экспедиции к Южному полюсу), позволил такому назначению состояться.

Конечно, чтобы оправдать доверие, Завалишину надо было работать, не считаясь со временем и не жалея сил... Тем паче подобное возвышение среди равных по званию не могло не вызвать у некоторых сослуживцев зависти и скрытого недоброжелательства.

Кают-компания на «Крейсере» собралась самая разнородная. Помимо знакомых Дмитрию еще по Морскому корпусу мичманов Нахимова, Путятина и Вишневого командир корабля пригласил в поход своего бывшего подчиненного лейтенанта Куприянова. Старшим лейтенантом на корабль был назначен некто Кадьян, прославившийся в Кронштадте жестоким отношением к нижним чинам. Среди спутников Завалишина оказались и те, кого он про себя сразу окрестил «балластом»: легкомысленный и недалекий адмиральский сынок, мичман Муравьев, и иеромонах Илария, назначенный в экспедицию по воле митрополита из-за своей видной наружности и густого баса, но отнюдь не отличающийся ни рассудительностью, ни набожностью.

Разумеется, столь разным людям во время долгого путешествия трудно избежать стычек между собой. Однако еще труднее им удержать в повиновении команду, собранную для вояжа с разных кораблей... Дважды на пути к американским колониям на корабле вспыхивали матросские бунты: у берегов Австралии, куда «Крейсер» заходил для пополнения запасов воды и угля, и у самой Ситки. В обоих случаях поводом к возмущению стала жестокость Кадьяна по отношению к совершившим незначительные проступки матросам и потворство действиям старшего помощника со стороны Лазарева, который за годы службы в английском королевском флоте накрепко усвоил, что палка – лучший воспитательный метод. Но если первый бунт удалось усмирить благодаря уговорам Завалишина, пообещавшего, что телесные наказания будут прекращены, то второе восстание чуть было не закончилось плачевно. Матросы вооружились и собрались на палубе, угрожая расправой командиру корабля, если тот не удалит ненавистного старшего лейтенанта. Скрипя зубами, Михаил Петрович вынужден был переписать своего протеже на шлюп «Аполлон», готовящийся к убытию из колоний в Россию. «Крейсер» тем временем отправился к берегам Калифорнии, где морякам предстояло зимовать, чтобы затем вернуться в Новоархангельск с запасом продовольствия для поселенцев.

Преодолев жесточайший шторм, пришедшийся как раз на вахту Завалишина, фрегат осенью 1823 года от Рождества Христова благополучно достиг Нового Альбиона и встал на якорь в заливе Святого Франциска, неподалеку от испанской католической миссии с таким же названием.

В самом начале следующего года, после очередного учиненного капитаном наказания линьками, с «Крейсера» сбежали восемь матросов, преимущественно из числа корабельных музыкантов. Лазарев заподозрил в организации побега монахов-францисканцев, до этого гостивших на фрегате и жаловавшихся его командиру, что в миссии нет людей, способных играть на музыкальных инструментах. Для поимки и возвращения беглецов капитан снарядил отряд во главе с пользующимися доверием нижних чинов Завалишиным и Нахимовым. Старший этого detachementa – лейтенант Завалишин – решил выступить без промедления, надеясь застигнуть монахов врасплох и побудить их выдать беглых подданных российской короны.

Вместе с тем, остерегаясь нападения со стороны испанского гарнизона или кочевых индейцев, а то и просто разбойных ватаг, моряки почли за лучшее действовать незаметно. В темноте они высадились на берег подальше от миссии с намерением подойти к ней со стороны гор. Ночью и без проводника русские заблудились и, когда рассвело, увидели, что оказались совсем не там, где предполагали, – среди угрюмых, незнакомых гор. Не имея карты побережья, Завалишин тем не менее продолжал вести свой отряд, ориентируясь по солнцу, и ближе к полудню вывел его к ущелью на границе с прерией.

Здесь сделали растаг, во время которого моряки стали невольными свидетелями погони за всадником-одиночкой и своим своевременным вмешательством спасли сеньориту Марию Меркадо, красотой своей вдруг напомнившую русскому лейтенанту его мать. Именно такой, молодой и прекрасной, она была изображена на миниатюрном портрете, который заказал у модного живописца Иринарх Завалишин незадолго до появления Дмитрия на свет.

3

– Как вы полагаете, сеньорита, будет гроза? – спросил Завалишин, когда возбуждение, вызванное превращением спасенного юноши в миловидную девушку, улеглось. Дмитрий полагал, что с незнакомками предпочтительнее всего говорить о погоде.

– Здесь не бывает гроз, сеньор офицер, – чуть заметно улыбнулась та, что назвалась Марией Меркадо. – Верней, они случаются довольно редко и, как правило, совпадают с торнадо...

– Торнадо... Что это?

– Ураган со смерчем. Индейцы называют его черным ветром... Не дай Бог повстречаться с таким в прерии...

– Будем надеяться, нам это не грозит, – лейтенант окинул взглядом ясное небо и широко улыбнулся сеньорите.

– Кто знает... В прерии все может измениться в считанные минуты... Вы видите те маленькие облачка у горизонта? – девушка указала рукой на юг, где на краю прерии сквозь марево проглядывало что-то похожее на снежные вершины гор. – Трудно сказать, что они нам сулят, если ветер переменит направление... По крайней мере, я не стала бы долго задерживаться здесь. Лучше побыстрее добраться до какого-нибудь жилья.

– Я не вижу ничего опасного, сеньорита, – успокаивающе сказал Дмитрий, в душе радуясь тому, что разговор ненароком коснулся интересующей его темы. – Хотя вашим ощущениям я доверяю вполне... Какое же жилье тут поблизости?

– Смотря что вас интересует, кабальеро? – вопросом на вопрос ответила испанка, порождая у Завалишина неожиданную тревогу: «Уж не лазутчица ли она?»

Почувствовав в молчании лейтенанта вопрос, девушка заговорила опять:

– Ближе всего находится миссия Сан-Рафаэль... Где-то около тридцати испанских миль... До Сан-Франциско больше, миль пятьдесят...

– Вы говорите о миссии с таким названием?

– Нет, сеньор офицер, о президии. Миссия расположена еще дальше. Правда, в нашей ситуации это не имеет никакого значения: дорога в том направлении одна.

– И сколько, по-вашему, нам потребуется времени, чтобы добраться туда?

– Если мы не будем медлить и воспользуемся лошадьми, – тут Мария Меркадо кивнула на мустангов, оставшихся без седоков и теперь пасшихся поодаль, – то к ужину будем там. Если вы не против, я могла бы проводить вас... Тем более нам по пути.

– Что ж, мы воспользуемся вашим предложением, – после минутного раздумья произнес лейтенант. Тут он что-то сказал на родном языке своему рыжеволосому спутнику, до сих пор терпеливо слушавшему их диалог. Тот, в свою очередь, отдал несколько распоряжений матросам.

Одни моряки занялись поимкой лошадей, другие тесаками стали рыть могилу для убитых бушхедеров – не по-христиански оставлять непогребенными тела, пусть даже и врагов. Через полтора часа отряд был готов отправиться в путь. Испанка вскочила в седло мустанга, приведенного матросами. Завалишин и Нахимов последовали ее примеру. Четвертая лошадь, ведомая рослым моряком, была нагружена оружием бушхедеров и старинным седлом, снятым с Амиго... Следом за всадниками, построившись в колонну по три, двинулись остальные русские.

Какое-то время девушка и офицеры ехали молча.

– Прошу простить мое любопытство, сеньорита, – первым нарушил молчание Завалишин, – что же все-таки привело вас в прерию?

Нарушая правила вежливости таким прямым вопросом, лейтенант не столько надеялся что-то разузнать о прекрасной спутнице, сколько предупредить подобное любопытство с ее стороны.

Девушка, очнувшись от своих дум, внимательно посмотрела на Завалишина. Тому показалось, что она поняла скрытый смысл его слов, однако не подала вида, ответила как ни в чем не бывало:

– Извольте, дон Деметрио... Вас ведь так зовут? – она впервые назвала его по имени, но сделала это на свой лад.

– Да, Дмитрий... – отозвался офицер. – Но если вам так угодно, сеньорита, пусть будет Деметрио...

– Так вот, дон Деметрио, – девушка с явным удовольствием повторила русское имя по-своему. – Мы с моим женихом Гомесом Герерой ездили в миссию Сан-Хосе, к моему духовнику падре Аморосу...

– У вас есть жених!.. – восклицание, в котором слышалась плохо скрытая досада, само собой сорвалось с губ лейтенанта.

– Да. По воле моих покойных родителей и родителей Гомеса мы были обручены еще детьми.

– И когда же свадьба?

– Право же, вы много хотите сразу узнать, сеньор, а мы ведь едва знакомы... – внезапно рассердилась девушка, но тут же сменила гнев на милость. – Не знаю, как заведено у русских, а испанцы не торопят своих женщин...

– Кто же он, ваш жених? Должно быть, высокий чин? – продолжил расспросы Завалишин, словно не заметив отповеди сеньориты. В голосе лейтенанта, помимо желания, нарастало раздражение. И это не ускользнуло от внимания его собеседницы.

– Сеньор Герера – комиссар монтерейской хунты... – сказала она. – Брак с ним многие считают завидной партией. И мой дядя, дон Аргуэлло, тоже...

Лейтенанту вдруг показалось, что Мария Меркадо говорит о предстоящем замужестве без особого вдохновения, и хотя ему очень хотелось расспросить ее о Герере, Дмитрий заговорил о другом:

– Вот как! Значит, комендант президии Сан-Франциско – ваш дядя? Но тогда – сеньорита Мария Конча Аргуэлло является вашей кузиной...

– Вы знакомы с prima Марией? – удивилась испанка.

– Я не встречался с нею, но много наслышан об истории ее любви к его превосходительству Николаю Петровичу Резанову, царство ему небесное...

– Да-да, бедная Мария... Она до сих пор не может поверить в его смерть... А ведь прошло почти двадцать лет с тех пор, как вы, русские, впервые побывали здесь... Я, конечно, тогда была совсем мала и ничего не помню... А вот Мария, напротив, ничего не забыла! Вы знаете, дон Деметрио, недавно она сказала мне: «Если Николас не вернется в этом году, уйду в монастырь!» И поверьте, она – уйдет! Мы, испанки, умеем быть верными своему слову! – тут девушка так гордо вскинула подбородок, с такой страстью блеснули ее глаза, что Завалишин невольно залюбовался ею.

Но вспышка эмоций у сеньориты Меркадо быстро угасла.

– Простите, я, кажется, увлеклась. Мы ведь говорили о сегодняшнем происшествии, не так ли?

– Я весь внимание, сеньорита, – откликнулся лейтенант, чувствуя, что все больше очаровывается спутницей.

– Что ж, дело было так... Сегодня утром мы простились с падре Аморосом и отправились обратно в президию. По дороге поспорили, кто из нас быстрее доберется до Сан-Франциско... Гомес утверждал, что его жеребец не имеет себе равных, я настаивала, что мой Амиго – лучший конь во всей Верхней Калифорнии... – При упоминании о погибшем скакуне голос у Марии дрогнул, но она мужественно продолжала рассказ. – Я была совершенно уверена в своей победе, так как, кроме всего прочего, знала короткую дорогу через прерию. Мне ее показали пеоны, работающие на дядином ранчо... Гомес предостерегал меня от намерения ехать одной, но, если брать солдат охраны, скачки не получится... Мы с Герерой расстались, и некоторое время я скакала, не встретив на пути никого. Потом появились эти негодяи... К сожалению, я заметила их слишком поздно, и они сумели перерезать мне дорогу к президии, заставив двигаться в сторону гор... Ну а остальное вы знаете сами...

Завалишин кивнул. Они долго ехали молча, точно новые познания друг о друге не сблизили, а отдалили их.

Тем временем пейзаж стал меняться. Пучки травы сливались в островки и наконец образовали сплошной зеленовато-бурый ковер. То тут, то там показывались деревья и заросли низкорослого кустарника. Потом появились маисовые поля с ровными рядами зеленых побегов, рощицы, явно посаженные человеческими руками. Однако ни строений, ни людей по-прежнему не было видно.

Прерывая молчание, офицер заговорил первым, но, следуя избранной тактике, опять не о том, что сейчас волновало его:

– Ваша кузина Мария Аргуэлло, если вам известно, в свое время оказала моим соотечественникам важную услугу. Благодаря ее помощи камергеру Резанову удалось закупить и привезти на Ситку полные трюмы пшеницы и тем самым спасти наших поселенцев от голода. Это было, дай Бог памяти, году в 1806 от Рождества Христова... Если обратиться к истории вашей страны, то Марию Кончу можно с полным основанием сравнить с кастильской королевой Изабеллой, некогда поддержавшей Колумба...

– История историей, дон Деметрио, – в тон лейтенанту ответила испанка, – однако женщине, будь она даже королевой, иногда не под силу предотвратить то, что предначертано Провидением... Ее величество Изабелла, любившая Колумба и покровительствовавшая ему, так и не смогла добиться от адмирала взаимности. А Мария Конча, избавив многих русских от смерти, не сумела уберечь от гибели самого дорогого из них – дона Николаса...

– Увы, это так.

– Дон Деметрио, могу я вас спросить?

«Ну, вот, началось!» – насторожился лейтенант, но вслух он произнес вежливое:

– К вашим услугам, сеньорита...

– Боюсь показаться неблагодарной, сеньор, но мне до сих пор непонятно, почему вы решили прийти мне на помощь? Вы ведь не знали, кто я, кто гонится за мной. Разве ваш опыт не подсказывал вам, что убегающий от погони не всегда бывает прав?

Вопрос оказался для русского неожиданным.

– Наверное, это дело случая... Однажды я сам оказался в подобной ситуации, и если бы совсем незнакомые люди не пришли на выручку мне, я не имел бы сегодня счастья беседовать с вами, сеньорита Мария...

Девушка с живым интересом посмотрела на Завалишина, ожидая, что он скажет дальше, но лейтенант молчал. Тогда сеньорита перевела взгляд на Нахимова, все это время ехавшего рядом, но с совершенно отсутствующим видом, и спросила лейтенанта о нем:

– Дон Деметрио, почему ваш компанеро не желает говорить со мной? Он так скромн или ему не по душе мое общество?

– Что вы, сеньорита, – не заметив легкого кокетства собеседницы, вступился за мичмана Дмитрий. – Павел просто не говорит по-испански... Я давно знаю его и должен заметить, он вообще человек немногословный... Впрочем, это не мешает ему быть отличным офицером и верным товарищем. А уж храбрости его многие могут позавидовать! В море, например, он, рискуя собой, спас тонущего матроса... Да и сегодня отличился: сбил своим выстрелом одного из тех, кто гнался за вами...

– Вы, должно быть, настоящие друзья, если так отзываетесь о нем...

– Надеюсь, это так... Особенно нас сблизило нынешнее плавание. Мы ведь почти два года ни на час не расставались. Может, поэтому на корабле даже прозвали Павла моей тенью...

– Как это занятно – ваша тень... Я никогда прежде не слышала такого сравнения, испанцы так не говорят. А скажите, дон Деметрио, наверное, многие русские сеньориты мечтали бы так называться?

Ответить на лукавый вопрос Марии лейтенант не успел.

– Конные, вашбродь! Смотрите! – раздалось сразу несколько матросских голосов.

И впрямь, на другом краю обширного маисового поля, вынырнув из-за рощицы, показалась группа всадников. Они с минуту потоптались на месте, разглядывая отряд Завалишина в подозрительные трубы, потом прищипорили лошадей и во весь аллюр поскакали навстречу.

Дмитрий, в свою очередь приложив к глазу медную зрительную трубку, увидел испанских рейтар, впереди которых на могучем вороном коне мчался офицер в блестящей кирасе и шляпе с плюмажем из белых перьев.

– Это испанцы, – обернулся лейтенант к Нахимову. – Думаю, без стычки здесь не обойтись! Прикажи матросам зарядить ружья и быть наготове!

Мичман собрался было выполнить это распоряжение, но тут вмешалась их спутница, без перевода догадавшаяся, о чем идет речь:

– ¡No se moleste! Esto es Gerrera!

Дмитрию осталось непонятно, чего больше в ее словах: радости или сожаления...

«Не дай Бог родиться и жить в эпоху перемен», – утверждали древние китайцы. Не потому ли и молились они о неизменности всего сущего, хранили верность традициям, благословляли мир и покой в государстве, почитали своих правителей как сыновей Неба... Гомесу Герере не были знакомы заветы мудрецов Поднебесной империи, но, если бы спросили его мнение по тому же вопросу, он, вероятно, ответил бы с точностью до наоборот. По собственному опыту Герера знал точно: только во времена общественных потрясений у таких, как он, есть шанс подняться к власти, богатству, славе. И упускать этот свой шанс Гомес был не намерен.

Род Гереры, хотя и не мог похвастаться своей знатностью, считался довольно древним и воинственным. С присущей всем испанцам гордостью родители Гомеса много рассказывали ему о предках – уроженцах солнечной Каталонии, сражавшихся под знаменами самого генерал-капитана Новой Испании Эрнана Кортеса. Оба пращура, по отцовской и по материнской линии, были в войске покорителя Мексики рядовыми конкистадорами, но им, как и другим оставшимся в живых соратникам прославленного завоевателя, достало и толики военной добычи, и новых земель, на которых они осели вместе с приехавшими из метрополии женами. А поскольку, по воле обстоятельств, оказались соседями, то со временем переплелись тесными семейными узами и к началу XIX века превратились в один из влиятельных кланов Верхней Калифорнии. Казалось, ничто не предвещает грозы...

А потом все полетело в тартарары. В Европе запылали пожары наполеоновских войн. Здесь же, в Америке, отблеском тех событий вспыхнули восстания против испанской короны, занятой разрешением своих проблем в Старом Свете и совершенно забывшей о заокеанских колониях. Мятеж, поднятый падре Идальго в 1810 году от Рождества Христова, нанес серьезнейший удар по благополучию семьи Гомеса. Взбунтовавшиеся пеоны и вакеро сожгли дотла гасиенды его отца и деда, а их самих, пытавшихся защитить свое добро, вздернули на дубах, посаженных еще первым Герерой. Три года спустя после этого такая же незавидная участь постигла бы и молодого Гомеса, не успей он вовремя переметнуться на сторону инсургентов, или, как их еще называли, гверильясов, вождем которых тогда был некто Хосе Морелос, человек отважный, но недалекий. Благодаря храбрости, ловкости и уму Герера сделался правой рукой вожака повстанцев. Вместе с Хосе Гомес участвовал в Национальном конгрессе в Чинпальсинго, на котором была принята историческая декларация о независимости Мексики. Когда же королевские отряды разгромили восставших и казнили захваченного в плен Морелоса, Герере опять повезло. Он не только уцелел во время расправы с восставшими, но даже сумел извлечь для себя выгоду. Под предлогом отмщения своих ближайших родственников, погибших от рук гверильясов, Гомес вступил добровольцем в правительственные войска, отличился в боях против бывших товарищей и получил звание капитана. Ему было доверено командование отрядом разведчиков, совершающим рейды по тылам восставших. В одной из вылазок Герере очень повезло: ему удалось захватить обоз с казной инсургентов. Однако об этом никто из его начальников так и не узнал. И подчиненные Гомеса ничего рассказать о судьбе захваченного золота не могли – так вышло, что к концу кампании ни один из солдат, участвовавших в нападении на обоз, не остался в живых... О тайне знали лишь сам Герера и сержант Хиль Луис, который несколько месяцев спустя поехал покупать в Рио-Гранде и не вернулся...

Сам же Гомес после войны возвратился в Верхнюю Калифорнию и стал жить на широкую ногу. Впрочем, роскошные приемы, которые устраивал Герера, были не только праздным времяпрепровождением. Бывший капитан создавал партию своих сторонников, не гнушаясь вербовать их в самых различных слоях калифорнийского населения. Он изрядно

преуспел в этом, завоевав среди местных гидальго и монахов-францисканцев авторитет непримиримого борца со всяким свободомыслием, а среди местных либералов – славу тайного поборника революции. Латифундисты видели в нем землевладельца, офицеры, не забывшие о храбрости капитана на полях сражений, – боевого товарища...

И вряд ли кто-то из многочисленных знакомых Гомеса догадывался, что этот патриот, реформатор и революционер служит всегда только своим личным интересам, ибо давно убедился в том, что лучшего союзника, чем он сам, ему вовек не сыскать, а лучшее отечество находится там, где ему хорошо...

Так продолжалось вплоть до 1820 года, когда в Испании началась революция, возглавляемая Риего. В Новом Свете успехи восставших и, более того, сама казнь их вождя королем-клятвоотступником Фердинандом вызвали небывалый подъем освободительного движения, в которое на этот раз включились и крупные землевладельцы, и прогрессивная часть духовенства. Перед единым фронтом повстанцев испанские гарнизоны сдавались практически без сопротивления, и 28 сентября 1821 года Мексика стала независимой от королевской власти. Правда, один из лидеров восстания – полковник Итурбиде – тут же объявил себя императором Августином I, однако удержался у власти лишь до марта 1823 года, когда был свергнут мятежниками и расстрелян. В следующем году Национальный конгресс принял конституцию и провозгласил республику, лишив церковь монополии на образование, отменив подушную подать, декларируя свободу печати и равенство всех граждан перед законом. Республиканцев поддерживали во всех провинциях, за исключением Верхней Калифорнии, где, пользуясь сумятицей, к власти пришли военные. Впрочем, переворотом это можно было назвать с трудом: хунту возглавил не кто иной, как бывший губернатор области Пабло де Сола. Его ближайшим помощником и комиссаром хунты сделался Гомес Герера, выслуживший к тому времени чин коронеля и орденскую звезду на грудь.

Новая должность способствовала увеличению состояния Гомеса. В столице Верхней Калифорнии – Монтерее – он приобрел один из лучших особняков, чудом уцелевших после разрушительного набега на город морских разбойников. Возглавляя карательную экспедицию против индейцев племени помо, комиссар пополнил захваченными в плен дикарями ряды своих пеонов и, нещадно эксплуатируя их, добился высоких урожаев на полях отцовской гасиенды. Потом за бесценок купил заброшенный серебряный рудник в верховьях реки Буэнавентура, который благодаря новому оборудованию вскоре тоже стал приносить прибыль. Все это вполне обеспечивало Герере безбедное существование на много лет вперед.

Но когда у тридцатилетнего мужчины есть почти все: положение в свете, поместье, деньги, – самое время задуматься еще об одном – о выборе дуэньи де ла каса.

Претенденток на роль сеньоры Герера нашлось немало. Лучшие семейства Монтерея и его окрестностей почли бы за честь видеть комиссара хунты женихом своих дочерей. Помимо богатства и высокого положения в обществе этот сольтеро в глазах девушек обладал еще одним немаловажным достоинством – он был красив и статен. Комиссар хунты умел быть таким предупредительным, хорошо танцевал, не скупился на комплименты дамам и слыл непревзойденным франтом. С набором упомянутых качеств вовсе не сложно прослыть душой общества и заслужить у его женской половины ласковое прозвище Бонито.

Каково же было бы разочарование всех этих Изольд и Карменсит, если бы им удалось хоть единожды заглянуть в душу того, кого окрестили они «хорошеньким»? Ничего, кроме холода и расчета, не нашли бы они там...

Впрочем, оставалось для Гомеса одно исключение из общего правила. Дочь старинного друга его отца – Мария Меркадо. Давно, когда сам Герера был подростком, а Мария – младенцем, родители обручили их. Обручение это держалось в тайне и не сыграло бы никакой роли, если бы молодые люди после смерти своих родных пожелали забыть о нем. И все же так не случилось. Герера напомнил сеньорите Меркадо о воле их покойных родственников

и оповестил ее дядю дону Аргуэлло, у которого она жила в это время, о своем намерении на следующий год сыграть свадьбу.

Конечно, говорить о беззаветной любви Гомеса к Марии Меркадо было бы неверно. Герера даже в таких вещах, как брак, учитывал все аспекты. Он несомненно знал о том, что нынешний президент хунты полковник Пабло Винсенте де Сола, не раз уже заводивший речь о своей грядущей отставке, прочит в преемники вовсе не молодого комиссара, а своего однополчанина и друга – престарелого дядюшку нареченной Гомеса. Стать родственником правителя Верхней Калифорнии совсем неплохо для человека, который со временем сам надеется занять этот пост... Впрочем, честолюбию Гереры пришлось изрядно потесниться под натиском другого, не менее сильного чувства. Когда после долгой разлуки Гомес вновь увидел прелестную девушку, расцветшую, как персиковое деревце весной, страстное желание обладать ею так захватило его, что он почти забыл все остальные аргументы в пользу предстоящего брака.

Но у прекрасного цветка оказались шипы. Мария, вопреки ожиданиям жениха, вовсе не растаяла от страстных взглядов и подарков. На словах не имея ничего против воли умерших родителей, она вела себя с женихом вызывающе и даже дерзко и уже дважды переносила намеченный срок свадьбы, чем приводила Гомеса в бешенство. Дон Аргуэлло, к которому Герера обратился с просьбой повлиять на строптивую племянницу, только развел руками: мол, бедная сирота вольна определять свою судьбу, и он, дядя, не вправе вмешиваться.

Герере оставалось закусить губу и ждать. И хотя он ждать не любил, тут смирил свою гордыню: иную крепость можно взять лишь долгой осадой... Если, конечно, не представится случай, который ускорит ход событий.

И такой случай неожиданно представился.

Во время поездки к падре Аморосу Гомес и Мария заключили пари, выигрыш в котором давал победителю право самому назначить день их свадьбы и лишал проигравшего возможности ответить отказом... Конечно, тут был определенный риск: а вдруг проиграешь! Но чтобы добиться своего, стоило рискнуть.

Гомес во всю прыть погнал своего вороного по прерии и – первым достиг ворот Сан-Франциско! Теперь Мария будет принадлежать только ему... И случится это в самое ближайшее время!

Однако радость победы была недолгой. Красавица, проигравшая пари, все не показывалась на горизонте, хотя с ее быстроногим скакуном она уже должна быть в президии. Гомеса охватило легкое беспокойство, которое вскоре сменилось тревогой. Когда же все мыслимые сроки появления Марии прошли, Герера, попросив у Аргуэлло десяток рейтар и присоединив их к своему эскорту, отправился на поиски невесты, терзаясь мрачными предположениями и досадуя, что не сумел убедить упрямую сеньориту взять охрану.

Поиски продолжались несколько часов. Отряд безуспешно рыскал по пустынным полям и рощам, прежде чем Герера в подзорную трубу увидел невесту в окружении каких-то вооруженных людей...

«Кто они такие?» – недавняя досада на невесту и страх за нее смешались в душе с внезапно вспыхнувшей неприязнью к незнакомцам. Кровь храброго потомка конкистадоров прихлынула к вискам, замутила взор, заставила забыть осторожность. Герера вырвал из ножен тяжелый палаш и, рявкнув рейтарам: «Аделанте!», пришпорил вороного.

5

Солдат не должен рассуждать. Его дело повиноваться начальникам, быстро и точно выполнять их распоряжения. Для чего забивать голову, если есть король, есть присяга и отшлифованные столетиями правила... Опять же, на тебе красивая форма, в кармане –

жалованье, пусть и небольшое, но выплачиваемое регулярно. А сверх того всякие награды: звания, дающие почет и уважение в обществе, вызывающие неизменное восхищение у степенных матрон и молоденьких сеньорит, притягивающие завистливые взгляды сверстников в партикулярном платье. И вообще, если разобраться, солдатская служба для настоящего мужчины – занятие не только престижное, но и выгодное. Повезет, так выслужишь себе солидный чин и неплохой пенсион на старость лет, а то и хлебное местечко какого-нибудь алькада или коменданта. В противном случае сложишь голову за своего монарха в одном из сражений, избежав старческих болячек и беспамятства. Покроешь свое имя славой. Толика этой славы достанется твоим потомкам, которые будут так же верно служить короне, как служил ей ты сам.

Так повелось с тех пор, как дон Жозе де Аргуэлло помнил себя, и еще раньше, со времен его славных предков – верных слуг многих испанских владык. Так, казалось дону Жозе, будет продолжаться вечно, ведь вся его жизнь – лучшее тому подтверждение.

...Прозванный сослуживцами по драгунскому полку Эль-Санто – «святой», Аргуэлло начал карьеру простым солдатом. Отличился во многих сражениях. Был храбр и дисциплинирован. Предан и безукоризненно честен. Всем этим и заслужил офицерские нашивки и пост коменданта президии Сан-Франциско – самого северного испанского форпоста в Новом Свете. Вот уже тридцать лет служит здесь поседевший дон Жозе, строго исполняя свой долг, несмотря на все происшедшие перемены. Уж они-то, перемены эти, точно смогли бы другого заставить отойти от присяги и заняться лишь самим собой и своим семейством. Любого другого, только не сеньора де Аргуэлло. Старый воин остался на своем посту, несокрушимый, как базальтовая глыба. Он не оставил его и во время всеобщей смуты и войны с гверильясами, и тогда, когда король совсем забыл о своих подданных, находящихся в колониях, и перестал выплачивать им жалованье. Подумать только, восемь лет ни комендант, ни его солдаты не получают из метрополии ни пиастра. И хотя говорят, что воин, оставшийся без денег, думает не о службе, а о своем голодном брюхе, эта пословица не про Эль-Санто. Он, наверное, и впрямь святой. Даже в период безвременья смог удержать подчиненных в повиновении, пусть для этого и пришлось ему платить деньги солдатам из своего кошелька, и делить с ними поровну все тяготы и лишения: есть ту же грубую пищу, носить такое же потертое платье, быть впереди во всех боевых столкновениях и с индейцами, и с инсургентами...

Так продолжалось, пока в Монтерее не пришла к власти военная хунта. Ее нынешний президент полковник Пабло де Сола – сослуживец и товарищ дона Жозе – прислал в Сан-Франциско немного денег и пороха, в письме пообещав вскоре навестить старинного друга. Аргуэлло вздохнул с облегчением. Казалось, вот-вот добрые времена вернуться на калифорнийскую землю, когда солдат будет служить не мудрствуя, не участвуя ни в политике, ни в интригах, зная над собой только командира да закон. Да только ошибался, думая так, седой дон Жозе!

И при новой власти в жизни президии и ее гарнизона ничего не изменилось. Ветшают некогда грозные бастионы, зарастают травой земляные валы. Ржавеют, несмотря на все усилия канониров и их начальника, старшего сына Аргуэлло – дона Луиса, четыре выслужившие свой век пушки. Осыпаются стены одноэтажной казармы, построенной из адабе – необожженного кирпича грубого замеса, которая составляла прежде главную защиту от набегов дикарей и возможной атаки с моря. Но главное – редееет гарнизон. Испытанные вояки, ровесники Аргуэлло, вместе с ним бывшие все эти беспокойные годы, один за другим уходят в мир иной... А молодые? Эти пошли совсем не такие. Кто поспешил перебраться в Мексику, кто занялся торговлей... Охотников послужить родине находится все меньше. Дошло до того, что под ружье мог поставить дон Жозе не более двух десятков человек, и те в основном ветераны да инвалиды.

Одно успокаивает старого солдата: воевать в последнее время стало не с кем. Индейцы предпочитают нападать на одиноких всадников и небольшие обозы. В крайнем случае совершат набег на какое-нибудь ранчо. Впрочем, и это стало редкостью после того, как дону Луису удалось поймать одного из их вожаков, некоего Помпонио (ну и имена у этих бестий!). Пиратские корабли тоже все реже показываются в заливе, словно уразумев, что поживиться здесь нечем. Не беспокоят коменданта и русские соседи. К русским у дона Жозе особое отношение из-за любимой дочери Марии Кончи и давнего сватовства к ней одного русского вельможи... Но об этом не хочется вспоминать сейчас, когда дочь собирается удалиться от мира в монастырь. Нет смысла винить в этом и упомянутого русского. Его, говорят, давно уже нет в живых...

Усилием воли де Аргуэлло заставил себя думать о делах государственных. Хунта, провозгласившая Верхнюю Калифорнию независимой от Мексиканской республики, не сделала ничего, чтобы эта самостоятельность стала реальной. Не создано регулярное войско, не налажено поступление налогов в казну, не отрегулированы пограничные вопросы, не найден ни один могущественный союзник. Случись что, на помощь калифорнийцам рассчитывать не придется. Мексиканское правительство после свержения самопровозглашенного императора Августина I занято внутренними проблемами. Русских здесь слишком мало, чтобы видеть в них надежную опору. А вот американцы все ближе придвигаются к границам области, без спросу занимают калифорнийские земли, чувствуют себя здесь хозяевами: строят форты, отстреливают пушного зверя, ищут в горах серебро и золото...

Словом, есть отчего задуматься старому коменданту Сан-Франциско, нарушая тем самым свой годами выработанный принцип – служить не рассуждая. А ведь как мечталось дожить свой век, радуясь домашнему уюту, подрастающим внукам... Да, видно, не получится! Особенно теперь, после визита комиссара Гереры, который привез дону Аргуэлло от полковника де Сола предложение занять место президента.

Конечно, старый друг, уступая ему свой высокий пост, думал не только об интересах области, но и о благе Жозе и его семьи. Три дочери Аргуэлло – невесты на выданье – ждут не дождутся избранников. И если уж комендант президии не в состоянии им дать достойного приданого, то пусть хотя бы его новая должность послужит для женихов компенсацией за женитьбу на бесприданницах. Кроме того, и сын Луис давно уже вырос из своих капитанских эполет. Ему по годам и по силе в самый раз занять комендантское кресло и с молодой энергией взяться за обустройство президии. Есть у дона Жозе и другие заботы, решить которые, сделавшись президентом Верхней Калифорнии, будет куда проще, чем теперь. Скажем, замужество племянницы Марии Меркадо, которую за живой, неугомонный нрав в семье прозвали Мариписой – Бабочкой. Сам Аргуэлло дал бы этой егозе другое прозвище. У взбалмошной на вид сеньориты вовсе не такой легкомысленный характер. Может, оттого она так по душе старому солдату, что узнает он в Марии-Мариписе самого себя в молодые годы и ее мать – свою покойную сестру, в которой гордая кровь рода Аргуэлло кипела так же бурно.

С племянницей связано событие, вызвавшее у дона Жозе смятение чувств. Это она, вместе со своим женихом Герерой, привела сегодня в Сан-Франциско отряд русских моряков, которые, как выяснилось впоследствии, спасли ее от бандитов в прерии. А поначалу Аргуэлло, будучи человеком не робкого десятка, с коротким андалузским мечом ходивший один против грозного гризли, даже оцепенел, увидев перед давно не запирающимися воротами президии столько чужих вооруженных людей. Впрочем, оцепенение быстро прошло. Схватив свою испытанную в боях шпагу, комендант бросился к орудиям, стоящим у входа, сгоряча забыв, что все запасы пороха и ядер перенесены к пушкам, глядящим на залив... Вслед за ним выскочил Луис с несколькими солдатами – остальные уехали на поиски пропавшей Марии Меркадо. Луис, обладающий более острым взглядом, разглядел впереди отряда кузину и будущего зятя, которые мирно беседовали с незнакомцами в темно-зеленой уни-

форме. Это обстоятельство поначалу успокоило дон Жозе, но, когда он узнал, что своим спасением Мария обязана русским, на душе снова сделалось тревожно.

Казалось бы, отчего? Те русские, с кем доводилось встречаться коменданту доселе, были людьми вовсе не плохими. Noble Резанов, jefe Кусков, капитаны русских судов, захвативших в залив... С момента появления русских в Калифорнии и основания ими крепости Росс в заливе Бодеги у дон Аргуэлло не было ни единого повода упрекнуть соседей в недоброжелательстве. Даже после того, как, поверив обвинениям бостонцев, что русские желают захватить испанские земли, калифорнийское правительство основало в целях предосторожности две новые миссии – Солано и Сонома – поблизости от русской крепости, соседи не проявили воинственности. Напротив, продолжали демонстрировать *amistad* и открытость намерений. Короче говоря, русские – народ, *digno de respeto*. Но куда денешься от памяти, которая не может простить русским одно разбитое сердце! Пусть это случилось не по чьему-то умыслу, а скорее по замыслу Провидения, но разве можно забыть об этом? Ведь разбито сердце любимицы дон Жозе – Марии Кончиты, старшей из его дочерей... Каким добрососедством залечишь раны собственной души, если знаешь, что твое дитя несчастно? И несчастно именно из-за русских... Да не появись тогда, восемнадцать лет назад, российские парусники близ Сан-Франциско, не окажись на одном из них дон Николаса, все сложилось бы по-другому... Мария Конча нашла бы свою судьбу среди местных гидальго, уже нарожала бы дону Жозе кучу внуков и внучек, а не влачила бы теперь жизнь в бесплодном ожидании и трауре...

Да, не к добру, не к добру – чувствует это умудренное сердце Аргуэлло – вновь появились русские в его доме. То, что другим трудно разглядеть, опытный человек видит сразу. Достаточно вспомнить, какие взгляды бросала его племянница на русского *teniente* Деметрио, как он сам в ответ улыбался ей, чтобы понять: у сеньора Гереры появился соперник. Похоже, и дон Гомес ощутил это. Во время беседы с русским комиссар нет-нет да и клал руку на эфес своего палаша, которым он владел виртуозно. При всем том, что коменданту Сан-Франциско будущий родственник не очень-то симпатичен, зарождающиеся отношения Марии-Мари-посы с русским его беспокоят куда больше, чем предстоящий брак племянницы с Герерой. Поединков коменданту президии только не хватает! Впрочем, если бы тут была одна лишь любовь, это еще полбеды... За розовощеким русским офицером, ясно представилось дону Жозе, маячит иная госпожа – большая политика. Ведь именно о ней говорил этот пресловутый дон Деметрио после раннего ужина, на который, следуя закону гостеприимства, вынужден был пригласить русских Аргуэлло. Комендант помнит все, о чем они беседовали тогда.

...За столом дальше положенных по *costumbre del lugar* приветствий и обмена любезностями дело не пошло. Когда же подали горячий шоколад и дамы удалились, оставив мужчин одних, те раскурили трубки и русский напрямик завел речь о беглых матросах, не скрывая, что подозревает в помощи им местных монахов. Комендант, хотя и желал скорее покончить с неприятным вопросом, довольно сдержанно пообещал помочь в поиске беглецов. Поблагодарив хозяина за поддержку, дон Деметрио перевел разговор на другое:

– Сеньоры, не скрою, ваша родина вызывает у меня чувство самого глубокого восхищения...

– Вы говорите об Испании, сеньор? – уточнил дон Луис, наблюдавший за русским лейтенантом, как заметил Аргуэлло-старший, с явной симпатией.

– Испания, конечно, заслуживает самых лестных слов как первая европейская держава, не склонившая голову перед корсиканцем и явившая пример в борьбе народа против тирании...

От дон Жозе не ускользнуло, что при этих словах Герера забарабанил пальцами по подлокотнику своего резного дубового кресла. Русский между тем продолжал:

– Но я говорю не о Старом Свете, а о Верхней Калифорнии. Поистине, трудно отыскать более выгодное по расположению и климату место. К тому же земли сии весьма богаты и рудными запасами, и строевым лесом...

– Мне думается, слухи об этом сильно преувеличены. Да, природа здесь хороша, но только в пределах Берегового хребта, – осторожно заметил дон Жозе. – Остальное, как вы имели сегодня возможность убедиться, неприступные скалы и прерии, населенные лишь дикарями...

– Тем не менее, сеньор комендант, – никак не унимался русский, – ваши восточные соседи в Соединенных Штатах так не считают. Американские газеты, которые мне доводилось читать, просто наперебой твердят о серебряных и золотых богатствах вашего края. При этом у меня сложилось впечатление, что американцы считают все это чуть ли не своим достоянием.

– С американцами у нас пять лет назад заключен трактат, четко определяющий границы. Чего, к слову, не скажешь о вас, русских... – неожиданно резко оборвал гостя комиссар Герера.

В комнате воцарилась тишина, которую нарушил дон Аргуэлло:

– Как прикажете вас понимать, сеньор лейтенант? Неужели вы думаете, что мы не в состоянии трезво оценить обстановку? Давайте поговорим о чем-нибудь другом...

– Извините, сеньоры, я не помышлял вас обидеть, – улыбнулся русский. – Просто попытался рассуждать вслух. Не станете же вы отрицать, что в нынешних условиях вам, калифорнийцам, можно рассчитывать только на самих себя? А когда вокруг столько алчных глаз, – пусть вам не покажутся дерзостью мои слова, – самое время подумать о надежном союзнике. Вспомните, Россия уже выступала на стороне Испании в борьбе с Буонапарте... При необходимости, уверен, она могла бы оказать вашей области финансовую и даже военную помощь...

– Кто уполномочил вас вести об этом переговоры, сеньор? – сухо осведомился дон Жозе, задетый за живое тем, что вольно или невольно русский коснулся столь животрепещущего вопроса. – Вам не кажется, что разговоры на такие темы – удел политиков, а не солдат?

– Увы, сеньор комендант, сегодня каждый солдат – в той или иной степени политик... – неопределенно пожал плечами гость и поднес к губам глиняную, местного обжига, чашку с остывшим уже шоколадом.

Беседа на этом как-то сама собой оборвалась, оставив у дон Аргуэлло смутное чувство, что русский, хотя многое недоговаривает, в чем-то главном несомненно прав.

6

И кто взял за правило: мужчинам самые интересные разговоры вести без женщин? Была бы воля Марии Меркадо, она все переменила бы, разрешив сеньорам разговаривать только в присутствии сеньор и сеньорит. Тогда и ссор между мужчинами было бы куда меньше, и дуэлей, и войн... Сумела же сегодня сама не допустить кровопролития, когда разгневанный Гомес готов был снести голову дону Деметрию своей страшной саблей... Взяв мустанга в шенкеля, Мария одним рывком, подобно героине рыцарского романа, встала между... Так и хочется сказать – соперниками! Ах, если бы это было на самом деле! Может, тогда Мария чувствовала бы себя счастливой даже теперь, когда она вместе с тетей и кузинами очутилась вне столовой, где русские гости, дядя, Гомес и Луис ведут свои таинственные разговоры...

Но, увы, Мария не уверена ни в чувствах Гереры, ни в симпатиях русского лейтенанта. Да что там говорить о мужчинах, если она еще не разобралась даже в своем собственном сердце. И это, пожалуй, главная причина, по которой девушка неожиданно ощутила себя

брошенной и забытой всеми на белом свете. С утра она была в центре событий. Поездка с женихом, счастливое избавление, русский эскорт, взор молодого офицера, проникающий прямо в душу... И вдруг она оказалась никому не нужна: ни родственникам, ни жениху, ни гостям, которых привела в дядин дом. Последнее почему-то было особенно обидным. Ведь русские показались Марии такими интересными и обходительными кабальеро, совсем не похожими на мужчин, с которыми доводилось ей встречаться прежде.

От обиды впору разрыдаться, как маленькой девочке. Но даже в *infancia* она плакала крайне редко. Мария и сейчас поймала себя на том, что, несмотря на насупленные брови, продолжает улыбаться... Чему? Да мало ли чему улыбается сеньорита без очевидного повода, когда ей нет еще и двадцати... Достаточно вспомнить лицо дяди Жозе, когда она, словно принцесса, появилась у ворот президии в сопровождении могучего отряда, каким не может похвастаться и президент хунты... Или снова представить искаженную ревностью физиономию вечного задаваки Гомеса... А еще улыбается Мария своим неожиданным фантазиям. Вот окажись она на самом деле легкокрылой Марипосой, как ласково зовут ее домашние, то и не пришлось бы ей теперь бесцельно бродить по саду под окнами столовой, откуда доносятся глухие голоса. Взмахнула бы она крылышками: раз-два и, не спрашивая разрешения – *¿se puede pasar?* – очутилась бы там. Покружилась бы под низким потолком и уселась, скажем, на нос Герере... Нет, лучше на золотой эполет дону Деметрио... Так, чтобы можно было видеть его глаза цвета моря, когда над ним сияет июльское солнце и нет больших волн... Зачем ей это? Мария-Марипоса пока не знает, но сердце ее начинает стучать, когда она думает о русском офицере...

Желание прямо сейчас увидеть дона Деметрио так захватило Марию, что она, позабыв о приличиях, решительно направилась к одному из окон столовой и раздвинула жалюзи, заменявшие дорогие стекла. Беседа мужчин, очевидно, подошла к концу, так как в этот момент дядя Жозе поднялся с кресла. Встали и остальные. Русские гости откланялись и направились к двери в сопровождении Луиса и Гомеса. Когда гости уже вышли за дверь, дядя неожиданно окликнул Луиса и, подозревая его к себе, что-то сказал ему. Слов Мария не разобрала, но по выражению лиц родственников догадалась, что речь идет о весьма важном.

Тут ей пришлось отпрянуть от окна, потому что скрипнули большие двери, ведущие во внутренний двор, и, как показалось ей, совсем рядом раздались голоса Гереры и дона Деметрио. Спрятавшись в тени апельсинового дерева, Мария прислушалась.

– ...местные индейцы – существа довольно дикие и тупые, – разглагольствовал Герера. – Обучать их любой, самой примитивной работе, на полях или же какому-то ремеслу – это попусту тратить время и силы... Представьте, сеньоры: дикари, которые попадают к нам в миссии в самом раннем возрасте, к зрелости едва способны освоить пару десятков слов по-испански. Без кнута они не сделают ни шага!

– Кнут, сеньор Гомес, не всегда лучший учитель... – возразил русский лейтенант. – К тому же мне кажется, вы несколько преувеличиваете неспособность индейцев к обучению... Безделицы, сработанные здешними туземцами, кои мне доводилось держать в руках, изящны и несомненно свидетельствуют о наличии у индейцев художественного вкуса и ремесленных традиций. Тупому существу, как вы изволили выразиться, такое создать не под силу.

– Считайте, как вам угодно! – неожиданно вспыхнул Герера, словно только и дожидался случая. Он взялся за рукоять палаша, своим видом показывая нежелание даже в мелочах соглашаться с русским.

Вмешался подоспевший дон Луис. Он дружески, как будущего родственника, похлопал по плечу Гереру, но в споре принял сторону дона Деметрио:

– Думаю, дорогой Гомес, наш гость в чем-то прав... Среди индейцев встречается немало умных и хитрых бестий! Взять хотя бы Помпонио... Этого слабоумным никак не назовешь...

Мария уловила в словах кузена гордость. Впрочем, вполне понятную. Ведь это он поймал знаменитого разбойника и привел его в президию. А дон Луис тем временем продолжал:

– Кстати, сеньоры, может быть, вы желаете увидеть этот экземпляр? Поверьте, он того стоит. Я несколько месяцев гонялся за ним по прерии, прежде чем сумел настичь, и то благодаря одной случайности...

– Отчего же не посмотреть... – улыбнулся Луису русский, но тут же оговорился: – Только скажите, сеньор капитан, успеем ли мы засветло добраться до миссии Сан-Франциско? Честно говоря, не хотелось бы еще одну ночь провести под открытым небом, да и наши беглецы вряд ли будут нас дожидаться...

– Не волнуйтесь, дон Деметрио, отец, во избежание недоразумений со святыми отцами, поручил мне сопровождать вас до самой миссии и оказывать вам всяческую помощь.

– Но мы и так доставили вам немало беспокойства...

– Ну что вы, сеньор, мы же ваши должники. Вы спасли мою кузину и невесту сеньора Гереры... Верно я говорю, Гомес?

Герера что-то буркнул в ответ. А русский снова улыбнулся собеседникам (ах, до чего же милая у него улыбка!):

– Что ж, если вы, дон Луис, утверждаете, что зрелище будет интересным, мы готовы.

Мужчины направились к тюрьме, находившейся здесь же, во внутреннем дворе президии. Мария, стараясь по-прежнему оставаться незамеченной, последовала за ними.

Тюрьмой в Сан-Франциско назывались несколько железных клеток, расположенных прямо под открытым небом. Клетки обычно пустовали, так как потенциальных узников – индейцев – в президии почти не было, за исключением трех-четырех человек прислуги. В миссиях же, где жили краснокожие пеоны и вакеро имелись собственные клетки. Но случай с Помпонио особый. Его – и это понимала Мария – держать под замком в какой-нибудь миссии было нельзя. Индейцы, для которых этот разбойник был героем и защитником, тут же поднимут мятеж и освободят его. Именно поэтому дядя и поместил Помпонио в президию.

Мария вместе с Луисом и кузинами уже ходила посмотреть на пленника, снискавшего себе славу кровожадного и неуловимого преступника. Вид Помпонио разочаровал сеньориту. Обычный индеец лет тридцати, невысокого роста, хотя и крепкого телосложения. Одет в грубую домотканую рубаху до колен, какую обычно носят пеоны. Мария и прежде встречала таких, когда бывала в Сан-Хосе у своего духовника. И хотя подруги – дочери местных гидальго, рассказывавшие о Помпонио такое, от чего холодело внутри, – в каждый свой приезд в президию ходили поглазеть на разбойника, Мария им компанию составить отказывалась. К тому же от тюрьмы исходило зловоние, добавляющее к нежеланию видеть заключенного еще и чувство обыкновенной брезгливости.

Но тут любопытство пересилило. Мария обогнула казарму, за которой находилась cárcel, и увидела, как по приказу Луиса караульный отворил замок и гости вошли в клетку, где на земляном полу невозможно сидел индеец.

Офицеры приблизились к Помпонио и заслонили его от Марии. Что происходило в клетке, она увидеть так и не смогла. Из-за далекого расстояния не услышала, о чем они говорили с индейцем. Прошло несколько томительных для девушки минут, прежде чем мужчины покинули узилище и направились к боковому выходу из президии, где уже толпились русские матросы вперемешку с рейтарами. Они только что поели за общим столом и теперь в ожидании начальников пустили по кругу несколько трубок с местным табаком. При появлении офицеров загудела боцманская дудка, созывая русских в строй. Вслед за ней разда-

лись команды на родном для Марии языке. Коноводы подвели Луису и русским офицерам лошадей.

«Неужели он так и уедет, не попрощавшись со мной?» Но дон Деметрио оглянулся и посмотрел в сторону комендантского дома так, словно ждал кого-то. Девушке показалось, что лицо у него грустное. «Значит, он помнит про меня!» – ей захотелось тотчас выйти из укрытия. Но она не решилась. А русский, так и не найдя взглядом ту, которую искал (Мария была уверена, что именно ее!), отдал команду матросам и тронул поводья. Проезжая мимо Гереры, он приложил руку к треуголке и, кинув прощальный взгляд на дом, вместе со своим товарищем и Луисом выехал за ворота.

На сердце у Марии стало холодно и сирю. «А что, если мы и в самом деле больше никогда не встретимся?» Слезы навернулись на глаза сеньориты. Ей захотелось вскочить на коня и помчаться вслед за доном Деметрио, чтобы никогда не расставаться с ним. Ах, если бы это зависело только от нее, Мария и пешком отправилась бы за сероглазым лейтенантом, но... Есть еще дядя с его взглядами на жизнь, есть клятва, данная Гомесу.

«Гомес! О нем совсем не хочется думать теперь... – Мария смахнула со щеки слезинку. – Почему, обретая что-нибудь настоящее, мы это тут же теряем?»

Она могла бы долго еще предаваться грустным размышлениям, но ее внимание привлек Герера. Проводив отряд тяжелым взглядом, жених повернулся на каблуках и, звеня огромными мексиканскими шпорами, зашагал в глубь двора. Марии не хотелось попадаться ему на глаза. Она отступила в сторону сада. Через некоторое время сеньорита вернулась к казарме и выглянула из-за угла. Каково же было ее удивление, когда она увидела Гомеса в клетке Помпонию. Он мирно беседовал с пленным разбойником.

7

Лассо, брошенное умелой рукой, захлестнуло горло молодого индейца. Вакеро осадил мустанга, заставил сделать рывок в сторону – так, чтобы удавка свалила беглеца с ног. Тот, полузадушенный, оглушенный, был проволочен несколько десятков ярдов по земле и потерял сознание. Не успел индеец прийти в себя, как оказался со связанными за спиной руками в толпе своих пленных соплеменников.

Так много больших лун назад Помпонию, которому не было в ту пору и семнадцати весен, впервые познакомился с «твердогрудыми» чужеземцами. Такое прозвище получили они за то, что их не могли пронзить стрелы, пущенные даже из самых упругих луков. Потом, когда Помпонию долго жил среди бледнолицых, он понял: они такие же люди и могут умирать. «Твердая грудь» – это не чудо Маниту, а просто панцирь, который чужеземцы делают из железа или из толстых воловьих шкур... Панцирь может защитить чужеземцев от стрел и копий, но не от оружия, которое есть у самих бледнолицых. Оно извергает огонь и грохочет сильнее, чем разгневанный злой дух...

Но все это Помпонию узнал потом. А в день первой встречи пришельцы верхом на свирепых конях показались Помпонию сошедшими с небес богами. Потому ни он сам, ни его родичи и не дали бледнолицым никакого отпора, бросились врассыпную. Уйти от погони удалось немногим, но в их числе хойбо Валениле – мужу старшей сестры Помпонию. А он сам, его родители и сестра вместе с большинством соплеменников были схвачены бледнолицыми и посажены в железные клетки в большом стойбище чужеземцев, которое они называли миссией.

Когда Помпонию сидел в клетке, он увидел, что не все белые носят на себе панцири. Некоторые из них одеваются в длинные накидки с двумя скрещенными палочками на груди. Эти чужеземцы, чаще других приходившие к клетке с индейцами, говорили, что их зовут падре. Падре были добрее других бледнолицых. Они не били индейцев, учили их своему

языку и рассказывали о своем бледнолицем боге, который сначала жил среди людей, а когда был убит ими, то не умер, а улетел на небо к своему отцу. Теперь молодой бог, соединившись с отцом, живет там, среди туч и облаков, в своей небесной прерии, так же как верховный бог племени помо – Маниту. Бог бледнолицых, говорили падре, самый могущественный из богов. Он смотрит с высоты за всем, что происходит на земле, и строго карает тех, кто не выполняет его наказы. Падре показывали индейцам «говорящую кожу» – книгу, где начертаны заповеди их всемогущего бога. Когда Помпонио научился хорошо понимать язык чужеземцев и даже понемногу разбирать черточки и крючки на «говорящей коже», ему вдруг открылась великая тайна: бог бледнолицых и Маниту очень похожи. Они оба не ходят на охоту и не собирают зерна дикой пшеницы. Люди им обоим приносят подарки, прося защиты и мудрого совета. И бледнолицый бог, и бог индейцев велят людям слушаться своих хойбу и готовиться к новой жизни, которая наступит, когда придет их черед уходить в страну заоблачных прерий, где обитают духи предков... И еще пришла в голову Помпонио кощунственная мысль, от которой ему самому стало страшно: и бог бледнолицых, и Маниту редко вспоминают о своих земных детях. Может быть, их заоблачный суд и справедлив, но здесь, на земле, зло чаще одерживает верх.

Конечно, такое понимание пришло не сразу. Сначала Помпонио просто слушал и запоминал, что говорили падре. Наблюдал из клетки за всем, что творилось вокруг. В мире бледнолицых было много непонятного, но Помпонио хотел разобраться в жизни чужеземцев. Понять, чтобы разгадать секрет их силы. Без этого нельзя победить врага и вырваться на свободу. Это желание – быть свободным, как его предки, – стало главным с того дня, как он попал к чужеземцам. Ради его исполнения Помпонио притворялся покорным...

Через несколько лун Помпонио и его родичей заставили искупаться в реке под приглядом падре и вооруженных всадников. Падре сказали, что это называется крещение и теперь индейцы – «братья всем бледнолицым и приняты в лоно католической церкви». Что такое «лоно» и «церковь», Помпонио не разобрал, но догадался: больше в клетке он жить не будет. Индейцев и впрямь перевели в большой деревянный шалаш без крыши, но железные кольца с ног так и не сняли. В новом жилище индейцы спали так же, как в клетке, на земляном полу. Около входа всегда находились несколько бледнолицых с огненными палками, которые могут поражать на расстоянии, равном трем полетам стрелы. Однажды один из соплеменников Помпонио сумел выбраться из шалаша и попытался убежать, но был убит из этой стреляющей палки, которую называют *escopeta*. Тело беглеца по приказу падре повесили на дереве в центре миссии. Наверное, чужеземцы знали, что для воина племени помо нет смерти страшнее, чем в петле. Это – позор для индейца, лишающий его душу возможности встретиться с предками... После такого случая никто из индейцев бежать не пытался.

Помпонио и его семья еще долго жили в деревянном шалаше. Их выводили наружу только в сопровождении «твердогрудых». Индейцев заставляли месить глину и таскать камни, из которых строили храм богу бледнолицых. Это была тяжелая работа, непривычная для индейцев. Вдобавок их плохо кормили – один раз в день давали каждому по горсти прокаленных на огне зерен и по плошке протухшей воды. Многие из племени помо не выдержали такой жизни. Одни умерли от истощения, другие заболели трясучей болезнью. Среди последних был и отец Помпонио.

Тех, кто остался в живых, бледнолицые отправили на ранчо – небольшое селение в прерии, где заставили работать на полях – ковырять палкой с железным наконечником твердую землю, а после – собирать зерна маиса и пшеницы. Здесь кормили лучше и работа была не такой изнуряющей. Днем с индейцев снимали цепи, но никто не пытался скрыться. Так все они были истощены и напуганы...

Прошло еще несколько лун. И Помпонио попал в число тех, кого бледнолицые решили сделать вакеро – ловцами диких быков. Сначала индейцев научили ухаживать за домаш-

ними лошадьми и крепко держаться в седле. Потом они тренировались в бросании лассо, сплетенного из жесткого волоса мустангов. Когда учеба осталась позади, их вывели в прерию, где паслись огромные стада черных быков, свирепых, с налитыми кровью глазами. Там опытные погонщики показали новичкам, как ловить быка и, растянув двумя арканами, валить на землю. Потом молодые вакеро делали это сами...

Работа вакеро понравилась Помпонио. Когда он, сидя на быстроногом мустанге, скакал по прерии, ему казалось, что он свободен. Да, став вакеро, Помпонио мог попытаться ускакать от бледнолицых, несмотря на то, что у старших погонщиков всегда были ружья. Мешало то, что в руках чужеземцев оставались его мать и сестра.

И все же свобода пришла к нему.

Однажды вакеро были подняты рейтарами среди ночи. Бледнолицые приказали седлать коней, после чего все поскакали к ранчо, на котором в это время жили родные Помпонио.

– Там пеоны убили несколько бледнолицых... – шепнул на ухо Помпонио один из его соплеменников, невесть откуда узнавший об этом.

Когда прискакали на ранчо, деревянные жилища пеонов уже догорали. А сами индейцы разбежались по окрестным маисовым полям. Солдаты и вакеро до самого рассвета ловили их, бросая лассо при свете факелов и на звук голоса. Помпонио тоже бросал лассо вместе с остальными. В темноте он не видел лиц индейцев, на шеи которых набрасывал удавку, плохо разбирал, кто перед ним – мужчина или женщина: у всех пеонов были длинные волосы и одинаковые лохмотья. После восхода солнца всех пойманных согнали в одну кучу, а тела задушенных арканом или убитых выстрелом в спину сложили в другую. Среди мертвых Помпонио обнаружил и тело своей матери с синим следом лассо на шее...

Кто убил ее? Помпонио никогда не сможет узнать... Но в тот миг, когда он стоял над ее телом, ему показалось, что именно его лассо захлестнуло материнское горло... Потемнело у него перед глазами. Обо всем забыл Помпонио: о том, что ни среди живых, ни среди мертвых нет его сестры Умуги, что пули бледнолицых могут догнать самого быстрого скакуна... Боевой клич помо сорвался с его губ. Одним махом вскочил он в седло. Бледнолицые стреляли вослед, но не попали.

Долго скитался Помпонио по прерии, мечтая отомстить врагам. Однажды он наткнулся на шайку бушхедеров, которые приняли его к себе. Проверив индейца в деле, оценили его ум и бесстрашие и сделали своим вожаком. Помпонио действительно трудно было сыскать равного в умении держаться в седле, метать лассо и наваху, стрелять в цель из лука и из оружия чужеземцев. Кроме того, он лучше других знал, как устроены президии и ранчо бледнолицых, когда они укладываются спать, когда поднимаются с постели, на каких тропах лучше подстеречь их почтовые повозки и где пасутся их стада...

Вскоре имя Помпонио стало наводить на чужеземцев ужас. Рассказы о его набегах, приукрашенные молвой, передавались из уст в уста. Бледнолицые опасались передвигаться по прерии в одиночку, молили своего бога, чтобы не попасть в руки индейца-мстителя. Шайка Помпонио на самом деле чаще нападала на одиночных солдат и монахов, разоряла небольшие и слабоукрепленные гасиенды, грабила торговые караваны. Но врагов своих Помпонио убивал редко. Только когда погибал кто-то из его шайки, он лишал жизни столько белых, сколько потерял сообщников. Обычно же у захваченных забирали деньги, оружие, одежду и отпускали их на свободу. Оружие раздавали пеонам, которых освобождали во время набегов. Тех, кто хотел остаться с ними, сажали на коней. Остальные, взяв свои семьи, уходили на противоположную сторону залива, где «твердогрудых» не было, а другие чужеземцы, которых называли *gusos*, индейцам зла не чинили. Помпонио и сам ушел бы туда, где, если верить молве, обосновались остатки его родного племени во главе с Валенилой, но как показаться на глаза зятю, если не сумел уберечь и спасти Умугу?

И Помпонио остался на земле «твердогрудых». Те тщетно пытались настичь и схватить его. Предупреждаемый пеонами о появлении солдат, он успевал укрыться в горах. Потом неожиданно появлялся за спиной у преследователей, совершал очередной набег и снова исчезал, неуловимый, словно дух прерий. Так продолжалось бы бесконечно долго, если бы один из людей Помпонио однажды не польстился на выкуп, обещанный «твердогрудыми» за голову индейца-вожака. По его доносу рейтары устроили бушхедерам западню, в которой большая часть шайки погибла под пулями, а сам Помпонио, оглушенный предателем, так и не узнав его имени, был схвачен и закован в кандалы. Он ждал смерти, но по приказу главного хойбо бледнолицых его не казнили, а посадили в железную клетку в президии Сан-Франциско.

Снова потянулись дни и ночи неволи, еще более невыносимые после нескольких лет свободы. И тут, как знак, что Маниту, а может быть, и бог бледнолицых не забыли о нем, пришла к Помпонио нежданная радость. В президии он встретился с Умугой. Она не погибла в ту ночь, когда Помпонио потерял мать, потому что чуть раньше была взята прислугой в жилище бледнолицего хойбо – коменданта президии. Умуга тоже обрадовалась, встретив брата. Она несколько раз приносила ему еду и обещала помочь бежать. Но вскоре караульные запретили сестре приходить к клетке...

Вообще, бледнолицые вели себя с пленником странно. Не били, не пытали. Святые отцы, приезжая в президию, не пытались рассказывать индейцу о спасении его души. «Твердогрудые» и их жены просто приходили к клетке и разглядывали его, как зверя... Некоторые даже пытались заговорить с ним, угостить пахитоской. Помпонио был готов вцепиться зубами в плотку каждому, но терпел, не переставая думать о побеге.

Эх, если бы ему удалось выбраться из клетки! Теперь Помпонио знает: нет смысла гоняться за повозками бледнолицых и грабить всадников-одиночек. Так никогда не прогнать чужеземцев с индейской земли. Совсем другой план вызрел в голове пленника. Вырвавшись на волю, он должен найти Валенилу. С его помощью собрать воинов всех племен, обиженных чужаками. А это тысячи храбрых мужчин... Их куда больше, чем всех «твердогрудых». Правда, у бледнолицых есть ружья и кони, но Помпонио научит своих краснокожих братьев, как использовать оружие врагов против них самих. И тогда «твердогрудые» навсегда покинут страну помо...

Так размышлял Помпонио, сидя в клетке, словно пума в ловушке. Но он еще не знал, какую новую западню готовит ему судьба...

Сегодня бледнолицые дважды заходили к нему в клетку. Первый раз это были сын коменданта вместе с черноусым сеньором, которого Помпонио уже встречал в президии, и с ними два офицера в незнакомой одежде – «твердогрудые» такую не носят. Эти двое не были похожи на тех бледнолицых, с которыми индеец встречался прежде, но они вскоре ушли и больше не возвращались. А вот черноусый пришел опять.

В этот второй его приход и случилась беда. Заговорив с Помпонио, бледнолицый неожиданно приблизился к нему и сорвал с его груди амулет – камень духов, зашитый в кожу бизона...

Лучше бы он сразу убил Помпонио! Для индейца нет ничего страшнее потери амулета. Даже смерть по сравнению с этим – ничто. Остаться без камня духов – значит умереть еще при жизни и обречь свою душу на вечные скитания после того, как тело истлеет и станет прахом... Старики племени помо рассказывали, что именно такие бродячие, словно койот, души и похищает Квазинд – злой дух-оборотень, живущий в черных горах... Этот чужеземец, похитивший амулет, показался Помпонио посланцем самого Квазинда. А может, он сам и есть оборотень, принявший человеческий облик? Иначе откуда бледнолицему знать секреты сыновей Маниту и то, какую силу имеет камень духов над их душами?

– Ты хочешь вернуть амулет назад? – спросил черноусый, вытащив из ножен свой длинный нож и приставив его к груди индейца. Этот поступок удивил Помпонио: бледнолицему нечего опасаться – без амулета индеец не имеет права рисковать жизнью и броситься на врага.

– Ну, что же ты молчишь, краснокожий? – нож бледнолицего больно впился в грудь пленника, и на его рубахе проступила кровь. – Говори же, иначе я брошу твою ладанку в костер!

По глазам бледнолицего Помпонио понял, что это не пустая угроза, и поспешно кивнул.

– Хорошо, – черноусый несколько ослабил нажим клинка. – Тогда скажи, запомнил ли ты тех, кто приходил к тебе вместе со мною? Тех двоих, в зеленых одеждах?.. Вижу, запомнил... Так вот, индеец, это – мои враги. Уяснил? Значит, с этого момента они стали и твоими...

«Почему? Эти люди не сделали мне ничего плохого...» – промелькнуло в голове у Помпонио. Оборотень как будто услышал его мысли:

– Все очень просто, индеец. Только когда ты принесешь мне скальпы этих двоих, получишь назад амулет... Понятно?

Помпонио снова кивнул.

– Сегодня ночью, – продолжал черноусый, – часовой откроет твою клетку, а сам отойдет в сторону. Ворота будут не заперты. В ложбине тебя будет ждать конь. Если ты поскачешь в сторону ночи, то сможешь найти тех, чьи скальпы нужны мне... Надеюсь, ты умеешь читать следы в прерии, краснокожий? И еще... Помни: у тебя есть только три восхода солнца... – Тут чужеземец криво усмехнулся и, отступая к выходу из клетки, добавил: – Не вздумай обмануть меня и просто сбежать, если ты заботаешься о своей душе и... о своей сестре Умуге.

...Ночью, когда в президии все стихло, а в прерии затаивались койоты, часовой, как обещал черноусый, шелкнул замком клетки и направился в сторону казармы. Подождав, пока в глубине двора стихнут шаги, Помпонио осторожно открыл дверь и, стараясь не греметь цепями, направился к воротам, вышел за них. Свернув с дороги на знакомую тропку, спустился в ложбину и прислушался. В президии все было тихо, а здесь журчал ручей, и где-то впереди пофыркивал конь. В кромешной темноте, доверяясь только слуху, Помпонио подошел к нему, отвязал повод от ствола колючего кустарника и повел мустанга подальше от крепости. Потом, раня щиколотки, он камнем сбил оковы и вскочил в седло.

Окрестности индеец знал превосходно и, хотя не было звезд и луны, скакал всю ночь в сторону, обратную той, откуда должно было взойти солнце.

Утро выдалось мглистым. Небо было затянуто тучами. Лишь в центре его виднелся небольшой просвет, вызвавший у индейца недобрые предчувствия. Так бывает, когда близок черный ветер, который южные соседи помо апачи называют ре-эйкена-ильчи. Приближение непогоды почувствовал и мустанг. Нервный озноб нет-нет да и пробежал по его коже. Решив довериться умному животному, индеец отпустил поводья. Конь помчался к горному отрогу, полукругом обступившему равнину, в центре которой располагалась миссия. Там, если верить следам, скрылись преследуемые Помпонио люди. Однако индеец понимал, что сейчас надо думать не о них, а о собственном спасении. Он не остановил коня, пока не очутился возле скал и не отыскал среди них расщелину, в которой можно было укрыться от урагана.

Небо над прерией сделалось совсем темным. То, что казалось просветом в центре небо-склона, превратилось в клубящееся, как варево в котле, серое облако. От него протянулись во все стороны десятки тонких паутинок-щупалец. Они свивались друг с другом и словно притягивали облако к земле. Чем ниже спускалось оно к прерии, тем отчетливее становилась

видна огромная, сужающаяся кверху воронка. Она вращалась и неуклонно приближалась к миссии. Казалось, это сам Квазинд запустил свое лассо и оно вот-вот захлестнется там, где сейчас укрылись незнакомцы, ценой скальпов которых Помпонио может спасти свою душу...

Глава вторая

1

Секретная инструкция гласила: «Отправившись отсель, извольте следовать к селению Росс, подойдя на вид одного дайте о себе знать поднятием флага Российской Американской компании и пушечными выстрелами; буде ветер позволит, то дождитесь байдарки, а потом следуйте к якорному месту в залив Румянцева, вручите Карлу Ивановичу г-ну Шмидту мой конверт и прикажите сдать груз, назначенный для заселения. Разведайте у начальника одного о Калифорнии, в каком она теперь находится положении? Не занята ли инсургентами или какими-нибудь разбойниками? Есть ли надежда на получение хлеба? Кто губернатор? И не знает ли г-н Шмидт его характеру, как расположен к России и компании? Не было ли привозу товаров в Калифорнию от иностранцев и какое количество? Из полученных сведений вы можете лучше расположить план вашей торговли с гишпанцами, узнавши, в каких вещах сии более нуждаются, на оне товары должно несколько цены возвысить против прежней расторжки...»

Обладатель инструкции, правитель Новоархангельской конторы Российско-Американской компании Кирилл Тимофеевич Хлебников, притулившись на краю шконки в своей каюте на бриге «Булдаков», в который раз перечитывал наказ своего прямого начальника – главного правителя российских колоний в Америке капитан-лейтенанта и кавалера Матвея Ивановича Муравьева. Перечитывал не для того, чтобы лучше запомнить начальственные распоряжения, а скорее по выработанной годами привычке – ко всякому поручению подходить основательно. Что же касается самих указаний, то трудно удержаться от вздоха: «Господи! Всякий раз одно и то же...»

Сколько уже плавал Хлебников в Калифорнию по поручению компанейских правителей, сколько их самих сменилось после смещения с сего поста досточтимого Александра Андреевича Баранова: Гагемейстер, Яновский, теперь вот – Муравьев... Все вроде бы люди не простые, при чинах и эполетах, а инструкции пишут, точно под диктовку, одна в одну! Токмо что подписи разные...

Оно, конечно, и понятно: начальники меняются, а задачи у колоний остаются прежними – увеличить добычу мехов, накормить промышленных хлебом, обеспечить безопасность российских владений от происков воинственных колошей и от набегов алчных иноземцев...

Прислушавшись, как стонет в такелаже свежий ветер, как бьются о корпус волны и поскрипывают дубовые переборки каюты, Кирилл Тимофеевич вновь уперся взглядом в лист и зачем-то вслух прочитал следующее наставление:

«Губернатору Новой Калифорнии вручите мое письмо и при оном большое зеркало, замечайте, как он примет сей подарок и уважит ли мою просьбу; есть ли увидите, что он после сего будет очень благосклонен и скоро сделает позволение на торговлю, то приступайте к оной немедленно и, для лучшего успеха в том, сделайте подарки секретарю губернатора и другим приближенным к нему лицам и советникам, кому найдете за нужное; сверх того сделайте на первый случай на судне хороший обед, пригласите к оному губернатора и других офицеров и духовных, живущих в Монтерее; примите всех сколько можно ласковее, почтите салютом по приезде на судно и по отбытии. Все издержки для таких случаев делайте за счет компании, но при всяком случае соблюдайте денежную экономию. Из находящихся на судне вещей употребляйте для сего ром, сахар, чай и, что нужно будет тратив, записывайте в особую книгу, которую по приходе должно предоставить ко мне»...

При последних словах Хлебников поморщился: да... господин Муравьев, равно как и два его предшественника, это – не Александр Андреевич... Увы! Тот, в бытность свою главным правителем, невзирая на преклонные лета и болезни, на службе компании приобретенные, всегда лично дипломатией занимался и важнейшие расторжки заключал. Понимал, значит, что первейшему в колониях лицу самому надлежит с равными себе общаться! А здесь, с одной стороны, вроде бы и доверие тебе оказывают, а с другой – на каждом шагу проверяют... Опять же, не по-барановски все это. Он уж коли доверял что кому, так после за каждую бутылку рома и фунт сахара отчета не требовал! И хотя научен Кирилл Тимофеевич собственным горьким опытом всякий грош компанейский учитывать, ан нет-нет да и кольнет сердце обида: неужто все еще нет ему веры в главном правлении компании? Может, не так горька была бы обида сия, исходи недоверие от такого человека, как Баранов... А то ведь – временщики, срок на должности отбывающие! Все, как один, не исключая и зятя покойного Александра Андреевича – лейтенанта Яновского... Тот уж на что ушлый был, а с тестем своим ни в какое сравнение не годился. Вот и получается, что без «Пизаро российского», как окрестил когда-то своего верного помощника Григорий Шелихов, колонии осиротели.

Вспомнилась Кириллу Тимофеевичу другая секретная инструкция, читанная ему на корабле «Суворов» капитан-лейтенантом Леонтием Гагемейстером, когда подошли они к Ситке в 1817 году от Рождества Христова. Предписывалось в ней старику Баранову незамедлительно сдать все дела и оставить должность, исполняемую им без малого три десятка лет. Гагемейстеру же в свою очередь было велено устроить старому правителю суровую ревизию, как подозреваемому в хищении компанейского добра. Капитан-лейтенант, будучи истым службистом, в деле сем, по мнению Хлебникова, явно переусердствовал: по прибытии в Новоархангельск не только отстранил Баранова от власти и забрал себе ключи от всех магазинов, но и лично произвел обыск в квартире главного правителя. И хотя никакого мошенничества со стороны Александра Андреевича не выявил, держал старого человека под домашним арестом до самого убытия из колоний, не позволил даже проститься с друзьями и домашними, находившимися на Кадьяке. Теперь, когда покоятся останки Баранова где-то на дне океана близ берегов Батавии, нет-нет да и возникнет в голове у Кирилла Тимофеевича вопрос: не такое ли неблагоприятное отношение со стороны руководства компании и доконало Баранова? Тут поневоле соотнесешь собственные мысли с высказыванием Балтазара Грасиана в «Карманном оракуле», некогда подаренном Кириллу Тимофеевичу губернатором Камчатки. «Правило благоразумных – удалиться от дел прежде, чем дела удалятся от тебя... Загодя уйди от скорбей, чтобы не страдать от дерзостей. Не жди, пока повернутся к тебе спиною, похоронят, и, еще живой для огорчения, ты уже труп для почитания». В самую точку попал прозорливый испанец. «В дни благоденствия готовься к черным дням»...

Да, чего-чего, а подобных предостережений начитался Хлебников в казенных напутствиях досыта! Не обошлось без них и в нынешней инструкции, которую Кирилл Тимофеевич отложил было в сторону, но, вспомнив старую истину, что повторение – мать учения, вкругорядь взял в руки.

Абзац, на который сразу же наткнулся он взглядом, относился к ратной стороне дела. Муравьев, как флотский офицер, постарался проявить здесь все свои боевые познания. «В пути вашем, как туда, так и обратно, имейте осторожность от морских разбойников и для сего, когда увидите в море судно, то старайтесь от него отдалиться; но буде нельзя сего исполнить, то приготовьте артиллерию и людей на случай военного действия. Приблизившись, подымите флаг Российской Американской компании и, когда заметите, что неприятель намерен вас атаковать, то заговорите людей, дабы неустрашимо защищали до самой смерти высочайше дарованный императором флаг Р.А.К. и не посрамили бы славу российского имени. Лучше умереть с оружием в руках, чем отдавшись в плен быть мучениче-

ски умерщвлению; как действительно это делают разбойники со всеми, кто к ним попадется. Пушки прикажите поставить во все порты с той стороны, с которой должно действовать, и старайтесь иметь судно в таком положении, чтоб ваши выстрелы были вдоль неприятельского корабля».

Прочитав эти строки, Хлебников перекрестился: по счастью, наказы Матвея Ивановича команде «Булдакова» негодились. За время плавания на горизонте не показалось ни одного паруса. Да и вообще, в последнее время приватеры у российских колоний показываться остерегаются. Ежели раньше отбивал у них охоту совать нос в наши владения Баранов, то теперь у американских берегов постоянно крейсируют российские военные шлюпы. Их присутствие действует на любителей легкой поживы лучше всяких увещаний. Да и как не воздать хвалу Господу, когда само плавание подходит к концу. Нынче поутру, на исходе второй недели после выхода из Новоархангельска, сигнальщик заметил землю, и теперь бриг идет, не теряя ее из вида. «Сей земля – ест Нофый Альбион, – доложил Хлебникову капитан Бенземан. – Сегодня бутем на месте».

Вспомнив утреннее обещание командира «Булдакова», Кирилл Тимофеевич подумал, что сколько бы ни доводилось ему плавать на разных судах, а все радуется окончанию путешествия по соленой хляби. «Нет, не вышел из меня морской волк, как судьба ни старалась!» А вспомнить если, откуда такая нелюбовь к мореплаванию пошла... Не с того ли вояжа на галиоте «Константин» и с ледяной купели в волнах Ламского моря? Ведь чуть было не пошел тогда молодой Хлебников на корм рыбам... Да не один, а вместе с... «Лучше не ворошить прошлое!»

Словно подтверждая, что время не вернуть, трижды ударил корабельный колокол, извещающая экипаж о наступлении истинного полдня. Хлебников тяжело поднялся со шконки, убрал инструкцию в походный сундучок. Ревматические ноги, разнывшие после долгого сидения, слушались плохо. Каждый шаг по качающимся под ногами доскам отдавался острой болью. «Старость не радость, горб не корысть», – кстати пришлась поговорка, слышанная в детстве от бабушки.

Выйдя на верхнюю палубу, Хлебников поднялся на ют.

Бриг под крепким норд-вестом шел в пяти-шести милях от берега. Христофор Мартынович Бенземан, стоявший рядом с рулевым матросом, при появлении Хлебникова приложил два пальца к козырьку капитанской фуражки и перестал обращать на него внимание. За время совместного плавания Кирилл Тимофеевич по привычке к характеру этого полунемца-полушведа, кой, в соответствии все с той же инструкцией Муравьева, «препоручался под его, Хлебникова, распоряжение». Характер у капитана, надо сказать, был не из легких: суров, неразговорчив. Но Бенземан досконально знал бриг и умело удерживал в повиновении команду. А эти качества в открытом море куда важнее умения вести светские беседы! Хлебникову даже нравилось, что капитан неразговорчив. Если верить Бальтазару Грасиану, то «молчаливая сдержанность – святилище благоразумия». Кому, как не командиру корабля, проявлять оное? Порою Хлебникову казалось, что Бенземан открывает рот лишь затем, чтобы отдать короткую команду, вставить в зубы мундштук трубки-носогрейки или приложиться к фляжке с ромом. Но даже в эти блаженные для любого моряка минуты ничего нельзя было прочитать на лице капитана, точно вырубленном из куска базальта.

Вот и теперь, наблюдая за капитаном, который в свою очередь невозмутимо разглядывал в зрительную трубку прибрежные скалы, Хлебников пытался угадать, что тот видит в окуляр. Лицо командира брига оставалось непроницаемым. Неожиданно он протянул подзорную трубу Кириллу Тимофеевичу и молча указал в сторону берега. Но Хлебников разглядел только голые скалы да бакланов, снующих между ними и пенным прибором.

– Прафо смотреть, герр Хлепникофф!

И тут же в окуляре возникли красноватые бревна крепостного частокола, а над ними флаг – родной, трехцветный.

– Никак, приплыли, господин капитан? – обернулся он к Бенземану.

Что-то похожее на улыбку промелькнуло на лице моряка:

– Ви праф. Дас ист форт Росс.

2

Известный пират Фрэнсис Дрейк, умудрившийся не только не очутиться на рее, но еще и получить звание вице-адмирала Королевского флота Великобритании, прославился в веках тем, что вторым, следом за Фернаном Магелланом, совершил кругосветное плавание и сделал немало географических открытий. В 1578 году от Рождества Христова сэр Фрэнсис первым из европейцев увидел и описал в бортовом журнале часть северо-западного побережья Америки между тридцать восьмым и сорок восьмым градусами, назвав ее Новым Альбионом.

Последователи Дрейка – англичане и испанцы – не сумели закрепиться на этих землях. Первые обосновались на островах Квадра и Ванкувер, вторые – по южному берегу залива Сан-Франциско. Ближе других к Новому Альбиону подобрались молодые Соединенные Штаты: их фактории расположились по реке Колумбии, являвшей собой северную природную границу открытой Дрейком области. Таким образом, когда в 1812 году здесь появились российские первопроходцы, эти земли, формально считавшиеся собственностью Испании, фактически таковыми не были. Равно как и не принадлежали ни одной из цивилизованных держав, так или иначе претендующих на них.

Русские основали здесь заселение, назвав его крепостью Росс. Первый начальник Росса, коммерции советник Иван Андреевич Кусков, докладывал на Ситку главному правителю, что начал строительство заселения «с добровольного согласия природных жителей, которые здесь суть индейцы того же рода, что и в Калифорнии, но непримиримые враги испанцев, которых без всякой пощады умерщвляют, где только встретят. Русским же народ сей уступил право выбрать на его берегах место и поселиться за известную плату, выданную ему разными товарами и по дружескому расположению, которое сохраняется и поныне. Индейцы охотно отдают дочерей своих в замужество за русских и алеутов, поселившихся в Россе. Через это составились уже и родственные связи, о каких другие пришельцы и помышлять не могут».

Это донесение основателя Росса, обнаруженное Хлебниковым в архивах покойного Баранова и старательно переписанное в собственную тетрадь, вспомнилось Кириллу Тимофеевичу, когда он поднимался в гору с преемником Кускова – Шмидтом.

Покинув внизу, на узкой береговой полоске, небольшую деревянную пристань, приезжий и местный начальники шагали наверх, в гору, по широким ступеням, вырубленным в скале еще лет десять назад. Верней сказать, не шагали, а плелись, по-стариковски побряхтывая и незлобиво подсмеиваясь друг над другом. Шмидт и Хлебников – погодки. Обоим скоро стукнет по полвека. Возраст, с точки зрения какого-нибудь столичного жителя, невеликий. Но здесь, в колониях, таких уже к старикам причисляют. Потому как все стариковские болячки налицо: и «рوماتизм», будь он неладен, и подагра, и мигрени... Потому-то, хотя ступеней у каменной лестницы всего тридцать две, при подъеме путники пару раз останавливались – дух перевести, а заодно и поглядеть на залив, где покачивался на волнах «Булдаков» и сновали от него к берегу алеутские байдары с грузом.

Тяжело дыша, они наконец выбрались наверх и очутились подле сколоченного из соснового теса магазина компании. Здесь стояли несколько шалашей индейцев помо, перебравшихся поближе к русским из боязни испанских облав. У шалашей носилась индей-

ская ребятня, не обратившая на появившихся белых внимания. Хлебников не стал заходить в магазин: передачу грузов с брига он доверил приказчику – расторопному Павлу Шелихову, внучатому племяннику основателя компании. Самому же хотелось поскорее добраться до заселения и отдохнуть от морской качки, вымыться в бане, обстоятельно, не на ходу обсудить все дела со Шмидтом.

Подожли к телеге, запряженной парой коричневых от пыли волов. Поздоровались с возницей-алеутом в поношенной камлейке и стоптанных русских сапогах. Устроились на этой громоздкой колеснице поудобнее и наконец-то отдышались. Алеут крикнул что-то на своем языке, волы нехотя тронулись, колеса заскрипели.

От залива до Росса расстояние немалое – тридцать верст. Хлебникову не единожды приходилось слышать сетования мореходов и служащих компании, что, мол, Кусков выбрал для заселения место неудобное: с моря к нему не подойти, удобной гавани поблизости нет... Все это так, но Кирилл Тимофеевич с хулителями Кускова не согласен. Понимает: у основателя Росса был свой резон – сделать крепость неприступной для неприятеля. А коль скоро индейцы местные к русским настроены дружелюбно, то таковой мог нагрянуть только со стороны моря. Учитывая это, и приказал первый начальник заселения ставить Росс на неприступном утесе. Океан виден на много миль вокруг, а к укреплению ближе, чем на пушечный выстрел, не подойти.

Есть, конечно, в таком расположении крепости неудобства. Товары компанейские, доставляемые с Ситки и из Охотска, а также мягкую рухлядь и зерно, отправляемые из Росса на архипелаг, приходится хранить в магазине на берегу залива Бодеги – там вставали на якорь все суда. У магазина нужен караульщик, и подводы с грузом приходится гонять туда-сюда. Но в таких диких местах, как это, безопасность превышает неудобств.

Дорога к крепости идет по плоскогорью и кажется бесконечной. Тем паче что быки еле плетутся, несмотря на понукания алеута. Но Хлебникову путешествие по земле не в тягость.

Ярко светит южное солнце, совсем не такое, как на сырой, промозглой Ситке. Мелодично потрескивают цикады. Но жара почти не чувствуется – дующий с океана ветер несет прохладу и ощутимый даже на расстоянии запах моря. Вполуха слушая Карла Ивановича, который рассуждает о видах на урожай и об отстреле морских котов у Фаральонских камней, куда снаряжена партия промышленных, Хлебников поглядывает на поля пшеницы и думает, насколько мудрыми были его и Шмидта предшественники, основавшие здесь заселение. Калифорния на самом деле один из тех благословенных уголков земли, на которые природа излила все дары свои: плодородные почвы и прекрасные морские гавани, дающие средства к развитию торгового мореплавания, обширные леса, полноводные реки. Все, что нужно для человека, здесь наличествует или может быть найдено.

Словно в подтверждение этих дум, долетели до слуха Хлебникова слова попутчика:

– ...после вашей прошлогодней договоренности с гишпанцами, Кирила Тимофеевич, отправил я байдарщика Дорофеева, помните, рыжеватый такой, в залив Сан-Франциски. Так вот, он за одну седмицу пятьсот бобров добротных в заливе добыл... Сам же я, как вы от нас уехали, вместе с алеутами ходил на байдарах вверх по реке, которую здесь Славянкой кличут. Там на второй день пути открылась нам равнина красоты необычайной: луга, дубравы, земли тучные... Простору столько, что можно целые города под стать Санкт-Петербургу строить, а урожай снимать до пятидесяти тысяч пудов пшеницы в год и содержать при этом скота не одну тысячу голов...

– Экой вы мечтатель, Карл Иванович, – не удержался от замечания Хлебников. – Тысячи пудов, тыщи голов... У вас в Россе нынче, если не ошибаюсь, такие урожаи и не снились да и в стаде всего восемь десятков коров, а лошадей и того меньше...

– Бог Судья, Кирила Тимофеевич, ничуть не преувеличиваю. Видели бы вы сами, что там за чернозем: сухую палку ткни – расцветет! Да ежели мы на побережье, где и ветры,

и туманы, умудряемся в год по два урожая репы и картофеля снимать, и пшеница, худобно, родит сам-пять, то на тех землях, вот вам крест, сам-двадцать пять, а то и сам-тридцать с каждой десятины возьмем. Да при таком урожае мы не токмо Ситку и Кадьяк пшеницей обеспечим, но и скотину в любом количестве содержать сможем. А значит, и мяса, и молока у нас будет с избытком...

– Вашими бы устами, господин Шмидт, да мед пить... А каковы жители тамошние? Как они к нам настроены?

– Доложу вам, весьма мирно. Говор у них почти тот же, что и у наших береговых индианов. Толмач наш из алеутов, что язык местный выучил, свободно с ними изъяснялся... Обычай и образ жизни также схожие. Обретаются в основном в шалашах, из древесной коры сделанных, и землянках. Занимаются кто охотой на диких коз, кто рыбалкой. А бабы их хлебные зерна и корешки разные собирают... И что примечательно, едят их вовсе сырыми.

– А тойоном кто у них? Удалось ли вам с ним повстречаться?

– Точно так. Видел я вождя сих дикарей, коего они величают хойбу Махак. Он и другие старшины племени встретили нас со всем почтением. Через толмача пояснили, что от нашего хойбу Валенилы о русских токмо добро слышали... Я вот не первый год здесь обретаюсь, а все диву даюсь, милостивый государь Кирила Тимофеевич, как у местных известия быстро распространяются... Ведь ни почты, ни курьеров у индейцев нет, но стуит где-то на одном конце побережья чему-то случиться, на другом тотчас об этом известно становится!

– Ну, это только кажется, что у индейцев нет почты. Мне один из негоциантов, коему довелось путешествовать по ту сторону гор, рассказывал, будто существует у краснокожих целая грамота передачи сообщений дымом костра, условными знаками из камешков и палочек...

– Не знаю уж, как Валенила с местными индейцами общался, да токмо в разговоре с хойбу Махаком осведомленность последнего о наших добрых отношениях с береговыми племенами нам очень на руку прилась. Сей вождь, узнав, что мы не гишпанцы, а россияне, нас тут же объявил во всеуслышание друзьями своего племени и разрешил на землях, ему принадлежащих, беспрепятственно охотиться и хутора свои устраивать. Мы, в свою очередь, его и прочих старшин, конечно, подарками ублажили, пообещали расторгнуть с ними наладить всеми товарами, что у индейцев в цене. Было бы на то разрешение от главного правления...

– Боюсь вас огорчить, но, похоже, главному правлению нынче не до нас...

– А что случилось, Кирила Тимофеевич?

– Да вроде бы ничего страшного... Только перед самым убытием моим к вам их высокоблагородие Матвей Иванович Муравьев депешу из Санкт-Петербурга получил от нового начальника канцелярии компании господина Рылеева... Вы слышали о таком? Так вот, главный правитель меня с сей депешей ознакомил. В ней сообщается, что при дворе и в министерстве иностранных дел весьма недовольны проектом экспедиции от реки Медной до Гудзонова залива, коий представил лейтенант флота Романов.

– Это тот, что приходил к России на «Кутузове»?

– Он самый.

– И чем же проект его оказался негоден, ежели по тому же пути, что намечает их благородие, уже хаживал креол Андрей Климовский пять или шесть лет тому назад?

– Думаю, что тут высокая политика замешана. Ибо, по словам Рылеева, сам государь император разгневался на господ директоров компании и собственноручно начертал на проекте Романова резолюцию: «В прошении отказать». А их сиятельство граф Нессельроде, министр иностранных дел, и более того, приписал ниже: «Впредь компании вести свои дела, не выходя за рамки купеческого сословия»...

– Что же из этого следует, Кирила Тимофеевич?

– А вот что. Рылеев передал Муравьеву распоряжение главного правления: блюсти всяческую осторожность при общении с иностранцами. Ни в какие конфликты не вступать. А о новых земельных приобретениях и строительстве заселений просто-напросто забыть до особых распоряжений. С тем же наказом главный правитель и меня сюда отправил...

– Вот те на! А я как раз на ваш приезд надеялся. Думал, поможете, Кирила Тимофеевич, в одном заковыристом вопросе.

– Ежели сие в моих силах, отчего же не помочь.

– Да вопрос-то как раз с иностранцами и связан...

– Ну, выкладывайте, Карл Иванович, что у вас стряслось, – насторожился Хлебников. Шмидт придвинулся и, понизив голос, быстро заговорил в самое ухо гостю:

– Надясь заходил ко мне хойбу Валенила. Тот самый, о коем я поминал нынче. Плакался, мол, забижают гишпанцы его народец малый. Дескать, уже и здесь, к северу от залива, охоту на его людишек устраивают. Во время последней захватили якобы три семьи и в миссию Сан-Франциско свели как аманатов. И так уж хойбу просил меня, чтобы мы его собратьев оттуда высвободили, что не смог я ему отказать. Пообещал. А теперь не ведаю, как слово свое сдержать... Может быть, вы поможете? Помнится, что падре Альтамиро – настоятель тамошний – у вас в знакомцах значится, ужли из почтения к вам не освободит индианов?

– А не проще ли действовать официально, через губернатора в Монтерее? Составим к нему обращение от лица главного правителя, честь по чести, с печатью...

– Оно, конечно, правильное было бы... Дак ведь нынче в Монтерее губернатора нет...

– Как это нет? Неужто инсургенты взяли город?

– Нет, слава Богу, не они. У них там, как ее... хунта. Военная власть, по-нашему...

– Что же вы, Карл Иванович, об этом сразу же не докладываете? У гишпанцев новое начальство, а вы мне голову индейскими аманатами морочите!

– Не извольте сердиться, Кирила Тимофеевич. Я оттого и не поспешил с сим докладом, что перемены у калифорнийцев – одно название. Сами посмотрите. Губернатор де Сола как был наипервейшим, так и остался. Токмо его теперь иначе кличут. Претиндентом, чтоб меня угораздило! Хо-хо! – сдержанно хохотнул начальник заселения.

– Президентом, наверное?

– Во-во, им самым!

– Ну, а в президии Сан-Франциско как?

– И здесь все по-старому. Тишь, гладь да Божья благодать... Дон Аргуэлос все еще начальствует. Да и в окрестных миссиях те же самые настоятели, что и в ваш последний приезд.

– Что-то не пойму я вас, Карл Иванович: ежели у гишпанцев начальники те же остались, отчего не попробовать решить вопрос с аманатами через них?

Шмидт стащил с головы картуз и почесал лысеющий затылок:

– Люди-то те же, да настроение у них иное... Опять стали среди соседей наших ходить разговоры, мол, мы незаконно на их земле находимся и за это ничего им, гишпанцам, не платим. Конечно, прогнать нас из Росса они не решаются, но при каждом удобном случае о своих утраченных через нас выгодах намекают. Вот и к краснокожим ожесточились, мнится мне, не случайно. Я вам скажу, Кирила Тимофеевич, мне дак жаль индианов, особенно тех, что у нас в Новом Альбионе изловили. Обращаются с ними гишпанцы, равно со скотом, а то и хуже... Замордуют ни за что ни про что!

– Да-а-с... – протянул Хлебников. – Кому же не жалко? И я не узувер какой-то... Токмо дело, о коем вы рассказали, весьма щекотливое...

– Вот и я говорю, – подхватил Шмидт, уловив в голосе начальника сострадательные нотки, – заковыристое дело... Тут вздохни да охни, все по одному сохни, а раздумаешься, так всех жаль!

Но Хлебников, вопреки ожиданиям Шмидта, сделал иной вывод:

– Мы с вами, Карл Иванович, люди, компанией уполномоченные. За все, что здесь происходит, отвечать обязаны. Посему жалости предаваться права не имеем, ибо может от нее вред куда больший случиться...

Шмидт только тяжело вздохнул и руками развел: мол, вы старший, вам виднее.

Остальную часть пути ехали молча. Благодушное настроение, с которым Хлебников уселся на телегу, давно улетучилось. На душе после отказа помочь индейцам скребли кошки. Поступить же иначе значило нарушить указания главного правления – не вступать в конфликт с чужеземцами ни под каким предлогом. Однажды Кирилл Тимофеевич уже дал себе слово – не проявлять инициативу, ибо она наказуема. И вот опять оказался в ситуации, когда совесть твердит: сделай так, – а разум приказывает: следуй правилам...

Шмидт, в свою очередь, думал, как ему объяснить Валениле, что у белых людей свои законы, и не всегда они могут быть справедливыми. Он не сердился на Хлебникова. Понимал, что тот прав: негоже из-за кучки краснокожих, пусть даже и дружественных русским, ссориться с гишпанцами... И был страшно удивлен, когда приезжий начальник, увидев замаячившие на косогоре бревенчатые укрепления Росс, вдруг снова заговорил об индейцах:

– Один мудрец, к слову, испанец, – издалека начал Кирилл Тимофеевич, – считал, что правило разумных – идти против правил, ежели иначе невозможно завершить начатое... И знаете, дражайший Карл Иванович, а ведь он прав. Равно как и вы сами. То, в чем бессила официальная дипломатия, зачастую решают человеческие отношения...

– То есть, если я вас правильно понял, милостивый государь, вы поедете к падре Алтамиро?

– Поеду, мой друг, хотя признаюсь вам откровенно, вовсе не уверен, что визит сей будет успешным...

3

Почему так страшит человека смерть? Отчего она вызывает ужас в сердце всякого живущего, как бы мужественно он ни ожидал ее прихода, сколько бы ни готовился к нему, какой бы верой в бессмертие души ни утешал себя? Тайна, которой окутана смерть, повергает человека в страх, сопровождающий его всю сознательную жизнь.

Но не только смерть физическая подстерегает нас в этом мире. Гибель нравственная, моральная – эта своего рода смерть в глазах окружающих, утрата доброго имени – порой оказывается для человека не менее ужасной, чем костлявая с косой. Особенно когда он на самом деле не совершил ничего предосудительного...

В случае гибели нравственной людей пугают заведомо ожидаемые последствия. Законы человеческого общества не оставляют тем, кто оступился или подозревается в достойном осуждения проступке, альтернативы. История человечества веками вырабатывала алгоритм наказания: обвинение, суд, приговор. Справедливый или не справедливый. В любом случае преступивший законы общества, в котором он живет, или не преступавший их, но признанный таковым, испытывает всю силу человеческой мстительности и презрения. Мало кому удастся пройти через подобное испытание, сохранив в своем сердце любовь к ближнему...

А как быть, если ты оклеветан подлецом и не можешь доказать свою правоту?

Недоверие и косые взгляды бывших сослуживцев. Ранящее в самое сердце сочувствие друзей, усомнившихся в тебе. И пуще всего ощущение бессилия, невозможности что-то изменить... Такое не всякая душа выдержит! Тут должно быть в человеке нечто, не позволяющее ему опустить руки или наложить их на себя и, более того, помогающее добиваться справедливости даже в самом безнадежном, казалось бы, положении.

Это нечто – внутренняя уверенность в торжестве над всем суетным Промысла Божия – и помогло Кириллу Хлебникову, когда он был взят под стражу якобы по навету своего ближайшего друга Абросима Плотникова, за несколько лет до того пропавшего в камчатских урманях вместе с обозом ценной рухляди и важными отчетными бумагами. В те черные дни Хлебников сам чуть было не уверовал в предательство друга. Спас его от этого греха случайно попавший в руки нательный крест Абросима, рассеявший сомнения в том, что Плотникова нет в живых...

Полтора года тянулось разбирательство дела опального камчатского комиссионера в иркутской конторе Российско-Американской компании. Благодаря заступничеству и отличным рекомендациям губернатора Кошелева, Хлебникова, подозреваемого в растратах, содержали все же не в остроге, а под домашним арестом, не преминув взять обязательство, что он не ударится в бег. Кирилл таковое, конечно же, написал. Да и куда ему было бежать? В Китай к иностранцам, от коих никогда не вернешься на родину? В леса к разбойникам? Нет, такой ценой свобода ему была не нужна. Он хотел добиться правды.

Иркутские ревизоры строго проверили все накладные и отправленные Хлебниковым с Камчатки отчеты. Подтвердили недостачу в несколько тысяч золотых рублей – сумма немалая! Но проверяющие не смогли обнаружить ничего, что говорило бы о нечестности самого комиссионера. Не было найдено никакой его связи и с пропажей компанейского обоза... Словом, разбирательство зашло в тупик. И тогда решили отослать Хлебникова в столицу, в главное правление компании, – пусть, дескать, там и определяют его судьбу.

В Санкт-Петербурге, куда Кирилл Тимофеевич был отправлен в сопровождении жандарма, он неожиданно нашел серьезную поддержку. В первую очередь – в лице старых знакомых: соратника камергера Резанова – Федора Ивановича Шемелина и генерал-интенданта флота Василия Михайловича Головнина, с коим Хлебников когда-то путешествовал по Камчатке, а впоследствии состоял в переписке.

Шемелин в те дни написал Хлебникову письмо, в котором прямо выразил свои чувства: «Верю Вам... Решение счетов Ваших нам тягостно... Это, любезный мой друг, не что другое, как следствие слишком снисходительной души Вашей к нуждам ближнего».

Вдруг присоединил свой голос в защиту Кирилла Тимофеевича и назначенный вместо умершего главного бухгалтера Костогорова Платон Васильевич Боковиков, который в бумагах, обвиняющих камчатского комиссионера, обнаружил в свою очередь много подчисток и исправлений. Ходатайство Шемелина и Боковикова перед главным правлением назначить новую, более тщательную проверку, а также личные просьбы Головнина и члена попечительского совета адмирала Мордвинова учесть безупречную службу и заслуги Хлебникова перед Российско-Американской компанией побудили совет директоров в конце концов дело против него прекратить, однако с неременным условием: отслужить компании всю недостачу, случившуюся по его недогляду.

Ожидая вакансию, Кирилл прожил в столице более года. Получая скудное пособие на пропитание, он ютился в тесной каморке на задворках дома у Синего моста и утешал себя тем, что так вот, нежданно-негаданно, представилась возможность познакомиться с градом на Неве, сойтись поближе со многими знаменитыми людьми своего Отечества. Все свои впечатления от увиденного и услышанного здесь Хлебников, по сложившейся за много лет привычке, заносил в дневник, с которым, так же как с «Карманным оракулом», никогда не расставался. Если полистать страницы дневника, чего только там не найдешь! Вот запись, как он «имел случай быть в придворном маскараде первого генваря 1815 года, когда впущенных поближе к людям было более двадцати тысяч», а вот – как видел вблизи всю императорскую фамилию, как «побывал в великолепных храмах Петербурга и поклонялся праху Отца Отечества и героев-полководцев Суворова и Кутузова». Есть здесь и описание посещения

театра и слова, услышанные Кириллом Тимофеевичем из уст блиставшего тогда на сцене трагика Яковлева:

Но первый сердца долг к тебе, Царю Царей!
Все царства держатся десницею твоей.
Прославь, и утверди, и возвеличь Россию,
Чтоб с трепетом сказать иноплеменник мог:
– Языки, ведайте: велик Российский Бог!

Однажды Хлебников очутился в собрании императорской публичной библиотеки, где старец Крылов, будучи в зените своей славы, декламировал свою басню – «Мартышка, в зеркале увидя образ свой...», в другой раз стоял в толпе во время пышной церемонии встречи персидского посла, когда, говоря словами того же Ивана Андреевича, «...по улицам слона водили...» Можно сказать, повидал Кирилл Тимофеевич в столице столько, что иной и за целую жизнь не увидит.

Наконец в сентябре 1816 года директора компании окончательно сменили гнев на милость и Хлебников был назначен суперкарго на купленный в Англии корабль «Ганнибал», который под новым именем «Кутузов» отправлялся вокруг света в Русскую Америку. Командир шлюпа капитан-лейтенант Леонтий Андрианович Гагемейстер встретил Хлебникова весьма сдержанно, хотя прежде и был с ним знаком по Камчатке, да и от своего товарища Головнина получил о суперкарго только положительные отзывы. Долго приглядывался к комиссионеру, испытывал его в разных ситуациях. Когда же убедился в безукоризненной честности своего помощника, стал доверять во всем, просить совета в делах, касающихся торговли, подолгу беседовать на отвлеченные темы. Во время одной такой доверительной беседы капитан и познакомил Хлебникова с секретной инструкцией, несколько строк из которой касались самого Кирилла. Они врезались Хлебникову в память.

«Корабля “Кутузов” комиссионер Кирилл Тимофеевич Хлебников, – писали директора компании, – получивший груз онаго в свой прием, по оставлении из него несколько статей в Россе, остальное обязан сдать в Новоархангельске. Обязательство его при сем в копии прилагается. По содержанию которого ежели приятны будут о нем отзывы Леонтия Андриановича, которому он во всем вверен, и обстоятельства будут требовать, можете его оставить у себя на службе и дать ему должность, соответствующую его знанию. Он человек доброй, умной, может хорошо писать, не учась, но лучше, нежели тысячи в его состоянии могут то делать. Он был с издавна на Камчатке и после комиссионером компании и вел дела хорошо до некоторого времени. Может быть, он наградит талантами своими и усердием то время, которое было для него потеряно. Впрочем, как вы решите о нем, так и да будет!»

Решение о судьбе Хлебникова предстояло принять главному правителю колоний, которому и должен был передать депешу Гагемейстер. Но у Леонтия Андриановича, в свою очередь, была еще одна инструкция, предписывающая сместить Александра Андреевича Баранова и самому занять его пост. Капитан-лейтенант, таким образом, сам рекомендовал, сам и назначил Кирилла Тимофеевича правителем Новоархангельской конторы Российско-Американской компании. Должность эта, равная первому помощнику главного правителя, оказалась непростой. По сути, все хозяйственные вопросы колоний, после смещения Баранова, сразу легли на плечи Хлебникова. Ему одному и довелось принимать все дела и капиталы североамериканского отдела компании из рук престарелого главного правителя.

Кирилл Тимофеевич и теперь под присягой готов подтвердить то, что при обороте компанейских денег в семь миллионов рублей золотом на себя лично не истратил Александр Андреевич и медной полушки! Нищим приехал он когда-то на Кадьяк по зову Шелихова, нищим же спустя три десятка лет и отправился с Ситки умирать на родину. И хотя

до скончания дней своих должен быть признателен Хлебников Гагемейстеру за доверие и свое назначение на столь высокую должность, все же в душе не может он простить того, как капитан-лейтенант обошелся с первым правителем. Словно татя последнего, держал его под замком, не дал проститься с семьей, оставленной в Павловской крепости, отослал на родину без должного почета...

Представить страшно, каково было человеку заслуженному, в преклонных летах пребывающему, вот так уезжать из колоний, которые самым своим существованием его стараниям обязаны. Уезжать, томясь неизвестностью: ждет ли кто на отеческой земле, доберется ли он до нее, а если и доберется, что найдет среди соотчичей: благодарность за труды свои или кривотолки о всех мыслимых и немыслимых злоупотреблениях, якобы совершенных им в бытность главным правителем колоний?..

В судьбе Баранова, словно в зеркале, видятся Хлебникову его собственные злоключения. Опыт Александра Андреевича учит: не жди благодарности от сильных мира сего, впрочем, и от остальных людей тоже... Поступай по совести, тогда и неблагодарность человеческая будет не так страшна.

Снова и снова мысленно обращается Кирилл Тимофеевич к своим, теперь уже далеким, встречам с мудрым старцем. Вспоминает наставления, которые давал Баранов, навсегда покидая Ситку. В трудные минуты Хлебников ловил себя на том, что представляет: как бы повел себя покойный Александр Андреевич, случись чудо и очутись он сейчас на Кирилла Тимофеевича месте. Это и не мудрено. У Баранова было чему поучиться. Практик-самоучка, все на своем веку испытавший, все умеющий делать своими руками, строитель и воин, купец и дипломат – Александр Андреевич умел внушать уважение окружающим, будь то петербургские сановники, индейские тойоны или сам король Сандвичевых островов Тамеама. В своих колониях главный правитель был непререкаемым авторитетом: здесь он судил и миловал, открывал школы и больницы, строил крепости и объявлял войну... Властвовал, ни на кого не оглядываясь, и пост свой покинул без жалоб. А ведь мог запросто возмутиться поведением Гагемейстера, опечатавшего даже его личный сундучок. Только бы свистнул, и его сторонники в мгновение ока подняли бы бунт и вернули власть низложенному правителю. Ан нет, Баранов смирился с судьбой, как и положено истинному христианину. Хотя, конечно, жил доселе батюшка Александр Андреевич по другим законам – жестоким законам первопроходцев. Как первопроходец, и принял свою смерть – на борту корабля среди океанских просторов.

Вот и сегодня не случайно вспомнился Баранов Хлебникову, расположившемуся в одной из комнат двухэтажного дома начальника заселения Росс. Размышляя о просьбе Шмидта вступить за союзных россиянам индейцев, Кирилл Тимофеевич опять соотнесся мыслью с бывшим главным правителем: что сделал бы тот? Должно быть, попытался бы предугадать все последствия, подготовился бы ко всему, даже к вооруженному столкновению с соседями...

Конечно, Хлебников понимает, сегодня перевес сил не в пользу испанцев. Единственная в Новом Альбионе русская крепость куда лучше укреплена, нежели столица Калифорнии – Монтерей. Четырехугольный бревенчатый палисад Росса с двумя сторожевыми башнями оснащен тринадцатью пушками, и гарнизон в нем – двадцать шесть русских да более сотни алеутов... Такого не сыщешь ни в одной из испанских миссий. К тому же всегда под рукой военный бриг «Булдаков» и где-то неподалеку фрегат «Крейсер», недавно заходивший в русское заселение. С их огневой поддержкой сам черт не страшен! Но дело не только в военной силе. Она решает многое, но не все. И это тоже наука Баранова, толкующая о том, что здесь, на американском побережье, представители компании защищают не одни токмо интересы своих акционеров, но и всего государства Российского. Эти государственные интересы обязывают не уронить достоинство Отечества в глазах его союзников и врагов.

Кирилл Тимофеевич, конечно, сознает, что неразумно ссориться с ближайшими соседями теперь, когда в Санкт-Петербурге недоброжелатели только и ждут повода, чтобы представить императору колониальную деятельность компании в черном свете. Но Хлебникову ясно и другое: нельзя не помочь тем, кто верит русским, кто надеется на них. Пусть это будут простые дикари, желающие вернуть из неволи своих близких... Они не знают ничего о дипломатии тех, кого называют бледнолицыми. Но самим-то русским свои союзнические обязательства необходимо выполнять! Именно так поступал всегда Баранов.

4

– *Benedicticamus Domino*, – громовым голосом, словно отдавал команду эскадрону рейтар, проговорил падре Альтамиро и, только закончив молитву: «...ex hos nunc et usque in seculum...», скромно опустил глаза, вспомнив, очевидно, что смирение украшает истинного католика. Однако характер не выказать трудно. В конце священнодействия падре так громыхнул пальцами по клавишам старого клавикорда, подаренного миссии еще доном Николасом, что инструмент задребезжал, наполняя каменный сарай, где размещался храм, какофонией звуков. Но паствой у падре были в основном крещенные краснокожие. Не ведая лучших примеров, они восприняли все происходящее как должное. Те из них, кто вырос в миссии, осенили себя крестом, а новообращенные кто испуганно, кто с плохо скрываемой ненавистью взирали на происходящее.

Между тем падре Альтамиро, вот уже несколько лет одновременно исполняющий роли и органиста, и проповедника, и певчего, остался доволен произведенным эффектом. Кивком отпустив прихожан, он еще раз перекрестился на большое распятие и подошел к стоящему неподалеку слепому собрату – падре Томасу. Отослав мальчика-поводыря, сам взял убогого под руку и повел к выходу из храма, поглядывая, чтобы падре Томас не запутался в полах порыжевшей от солнца сутаны.

Святые отцы вышли во двор миссии.

Обитель носила имя святого Франциска Ассизского – основателя братства миноритов, или францисканцев, – известного в мире как итальянский негодант Джованни Бернардонне, и была одной из двух десятков себе подобных миссий, построенных испанцами в Верхней Калифорнии для обращения язычников в католичество. А коль скоро такие деяния редко обходились без кровопролития, то миссии и монастыри францисканцев и их предшественников иезуитов, находившиеся на значительном расстоянии друг от друга, строились как настоящие военные укрепления и снаружи мало чем отличались от президий. Тот же закрытый каменный четырехугольник с несколькими воротами, запирающимися с наступлением темноты. Внутри миссии жили только святые отцы да несколько солдат охраны, а индейцы, во избежание возможного бунта, размещались в шалашах и каменных строениях без крыш за пределами монастыря. Храм, в котором новообращенные обязаны были молиться не менее двух часов в обычный день и пяти – в праздничный, был главным строением обители. Неподалеку находились пороховой склад и трапезная.

В нее-то и направлялись сейчас святые отцы. Там их ожидали гости – русские из форта Росс. Об их приезде доложил перед началом вечерней службы падре Альтамиро начальник караула сержант Мигель Кастеларо – добродушный толстяк, вечно пребывающий навеселе. Новость эта не обрадовала падре, но он не стал сосредоточиваться на ней: служение Господу не терпит суеты.

Однако теперь, шагая с невозмутимым лицом по каменным плитам внутреннего двора, падре Альтамиро размышлял: что привело русских к нему? Связан ли их визит с бегством моряков с российского корабля или причина появления гостей – недавняя ловля дикарей на их территории? Надо признаться, и к тому, и к другому событию святой отец имел непо-

средственное отношение. Здесь жить иначе просто нельзя. Не зря, нося на груди серебряное святое распятие, падре Альтамиро никогда не расстаётся с кинжалом, спрятанным за буйволиной кожей, которой обертывают икры выше башмаков, и на каждую службу надевает под рясу тонкую железную кольчугу. Да и не всегда поприще миссионера в отдалённом уголке земли было единственным занятием того, кто ныне носит имя падре Альтамиро. Знал он и иные времена. Случается и нередко, что люди становятся кем-то не по призванию, а по стечению обстоятельств. В ряде случаев эти обстоятельства оказываются столь сильны, что, подчинившись им однажды, человек уже никогда не возвращается к прежнему образу жизни. Хотя, возможно, и сохраняет внешние черты себя прежнего: голос, манеру держаться...

Таким был и настоятель миссии Сан-Франциско. Когда-то он звался дон Хосе де Альтамиро и принадлежал к знатному роду, представители которого блистали при испанском дворе ещё во времена Карла I. Достойный сын своих родителей, дон Хосе получил отличное домашнее образование и, следуя семейной традиции, поступил на службу в королевскую гвардию, где сделал стремительную карьеру. Статный молодой красавец и начальник личной стражи принца, он сосватал одну из красивейших и богатых невест Мадрида и уже готовился к свадьбе, когда узнал, что его избранница неверна ему. Дон Хосе был готов скрестить шпагу с ее обольстителем, но им оказался тот, охрана кого была долгом Альтамиро. Не смея нарушить присягу и поднять оружие против брата короля, он подал в отставку и разорвал помолвку, вызвав тем самым шумный скандал при дворе. Отец бывшей невесты затаил против него злобу. Нанятые им убийцы подстерегли Альтамиро в узком переулке старого города. В короткой схватке дон Хосе был тяжело ранен. Истекая кровью, он добрался до ворот близлежащего монастыря. Братья-францисканцы выходили раненого. Во время пребывания у францисканцев в душе у Альтамиро и произошли те перемены, после которых возврат к мирской жизни стал невозможен. Однажды ночью ему привиделся Спаситель, указывающий дорогу к храму. Дон Хосе принял постриг и под именем падре Альтамиро уехал в далекие американские колонии, чтобы жить там единственно *ad maiorem gloriam Dei*.

В те годы, пока Калифорния находилась на содержании королевской казны, дела в миссии, в которую молодой священник был назначен настоятелем, шли неплохо. Представители *clero* в это время пользовались в колониях особыми правами и считались там едва ли не главными лицами. Сам вице-рой по всякому поводу советовался с главой католических миссий — епископом провинции Сонора, а коменданты президий не предпринимали ничего серьезного без благословения местных падре. Кроме того, францисканцы, как и в пору святой инквизиции, считались здесь верховными судьями в разрешении всех спорных вопросов. Потому и местные *гидальго*, и владельцы *гасиенд* не скупились на пожертвования святой церкви...

Отпад колоний от метрополии и прекращение субсидий не только ухудшили материальное положение всех слоев населения, но и поставили их в новые отношения между собой. Если прежде калифорнийские испанцы, обеспеченные неплохим жалованьем, жили в довольстве и праздности, то теперь большинство из тех, кто был лишен иных источников существования, кроме королевской службы, принуждены были таковые искать. Причем там, где раньше и не помышляли...

Дошло до того, что губернатор, а вслед за ним и коменданты президий потребовали у миссионеров для своих солдат выплату жалованья и деньгами, и натуральными продуктами. Монахи и сами находились в непростом положении. После разрыва отношений с Испанией прекратились поставки в колонии не только оружия и боеприпасов, но и всей церковной утвари. Требовались средства и для покрытия своих собственных нужд, а когда к этому добавились поборы со стороны военных, без защиты которых в пору гражданской войны не выжить, многие из собратьев падре Альтамиро опустили руки. Но не таков был настоятель миссии Сан-Франциско. Он умело организовал работу индейцев-пеонов на своих план-

тациях и, несмотря на примитивные орудия труда, даже в самые засушливые годы добивался неплохих урожаев. Достигал этого падре самым верным способом. Прежде всего он сократил религиозные упражнения индейцев, заставляя их больше работать на полях. А когда эпидемии или голод сокращали число полевых рабочих, пополнял ряды пеонов индейцами, захваченными во время облав. Облавы проводились с завидной регулярностью, и убыль краснокожих была незаметной. Кроме того, предприимчивый падре тайно направил своих доверенных людей в горы для поиска *peritas* – золотых и серебряных самородков. Гамбусино сумели найти несколько богатых россыпей, и дела в миссии наладились. Падре Альтамиро не только вовремя платил налоги пришедшей к власти хунте, обеспечивал хорошее содержание солдат, живущих под крышей монастыря, но и отложил изрядную сумму на черный день. Наличие «свободных» средств позволило настоятелю миссии Сан-Франциско Солано стать заметной фигурой в жизни калифорнийского общества и даже предпринимать рискованные шаги во внешней политике. Скажем, организовать побег моряков-музыкантов с русского фрегата или охоту на землях вольных племен к северу от залива... И то и другое предприятия были вызваны интересами экономическими. Музыкантов падре намеревался, когда суматоха уляжется, использовать как певчих в своем храме или же передать для подобных нужд другим настоятелям. Не безвозмездно, разумеется... С индейцами дело объяснялось и того проще: надсмотрщики уже несколько недель жаловались, что пеоны мрут от лихорадки, невесть откуда занесенной в миссию... Кто-то ведь должен был работать на полях!

Будучи опытным политиком, падре Альтамиро понимал, что все это может повлечь обострение отношений с русскими. Но надеялся, что на него подозрение все-таки не падет. Не зря же он всегда был столь вежлив и предупредителен с соседями. Никогда не считал зазорным первым нанести визит на русский корабль, пришедший к калифорнийским берегам, неоднократно бывал и в русском форте, расположенном всего в восьмидесяти милях от миссии. С удовольствием покупал у русских все, чего испанские колонии лишились, провозгласив свою независимость: ром, порох, ткани, стекло. Много раз принимал русских и у себя, проявляя неизменное радушие. Не скупился на слова восхищения русским народом, одолевшим Буонапарте. Вел беседы на философские темы, блистая знанием европейских языков. В результате такой тактики снискал он себе славу «друга России».

...Однако когда падре Альтамиро вместе со своим слепым спутником переступил порог трапезной и русский гость поднялся навстречу, настоятель, несмотря на дипломатические способности, не смог скрыть удивления:

– О, сеньор Хлебников! Я не ожидал так скоро увидеть вас здесь снова... – на довольно приличном русском обратился он к гостю. Настоятель не лукавил: сержант Кастеларо действительно не сказал ему, кто из соседей приехал в миссию. – Рад приветствовать вас, мой дорогой амиго! Вы приехали весьма кстати, сегодня утром я приказал забить молодого бычка... – тут настоятель растянул губы в самой лучезарной улыбке, пытаясь скрыть тревогу. Очевидно, последние события произвели у русских немалый переполох, если в миссию пожаловал давний приятель падре и ситкинский начальник Кирилл Хлебников.

Настоятель, положив руку на сердце, относился к этому русскому с уважением. Уже немолодой российский купец, как он сам любил называть себя, на самом деле был симпатичен Альтамиро: в такой глуши не часто встретишь умного собеседника, тем паче чужеземца... Вот и сейчас настоятель поймал себя на мысли, что, вопреки опасениям, искренне рад приезду неожиданного гостя.

– ¡Buenas noches, padre! – в свою очередь по-испански ответно приветствовал хозяина приезжий. – Encantado de verles a todos juntos, – добавил он, пожимая руки обоим священникам.

– Bienvenido! – с сильным акцентом буркнул в ответ падре Томас и устало опустился на скамью, услужливо пододвинутую ему начальником караула. Падре Томас не так давно появился в миссии и, похоже, не одобрял заигрывания собрата с еретиками.

Сглаживая промелькнувшее в словах падре Томаса недружелюбие, настоятель обратился к гостю с традиционным вопросом:

– Вы окажете нам честь, разделив нашу трапезу?

– Se lo agradezco, padre...

– Превосходно... – еще раз блеснул святой отец своей белозубой улыбкой и дал указание сержанту, чтобы подавали к столу.

Пока два мальчика-индейца расставляли на дубовой столешнице закуски и приборы, гость и хозяин вели вежливый разговор о пустяках. Наконец приготовления были закончены, и после короткой молитвы трапеза началась. До начала католического великого поста оставалось еще несколько дней, поэтому на столе царил изобилие. Помимо огромного серебряного блюда с кусками вареной телятины здесь было много зелени и овощей, жареная рыба, запеченная фасоль, разнообразные фрукты и горячий шоколад. Кислое вино из собственных виноградников и выставленная на стол в честь гостя бутылка гавайского рома завершали эту картину, способную порадовать глаз любого гурмана.

– Что же все-таки привело вас к нам, любезный друг? – посреди трапезы поинтересовался настоятель у гостя.

– Зов души, святой отец... Одно лишь желание пообщаться с вашим преподобием... – Русский выдержал долгий инквизиторский взгляд падре и добавил, поднимая бокал: – ¡salud!

– Благодарю за добрые слова! Да пребудет с вами Божья благодать! – в свою очередь провозгласил падре Альтамиро. – Я предлагаю выпить за наших добрых соседей!

Выпили и закусили. Затем настоятель наклонился к Хлебникову, сидевшему слева от него, и сказал с кроткой улыбкой:

– Должен вам признаться, я тоже скучаю по нашим беседам и был бы совсем не против продолжить одну из них, скажем, за партией в шахматы... – падре специально выделил последнее слово, точно напоминая собеседнику, что именно он обучил его этой игре.

– Составлю вам компанию с удовольствием. Там и потолкуем о нашем житье-бытье. Как говорится, с глазу на глаз.

– Из ваших слов можно понять, сеньор Хлебников, что у вас все же есть ко мне какой-то разговор.

– Я предлагаю поговорить об охоте...

– Хм... Это увлекательная тема, особенно после сытной трапезы...

Ни он, ни русский до конца застолья больше не проронили ни слова. Говорил в основном сержант Кастеларо, у которого в запасе всегда было несколько историй и анекдотов, какие сочли бы неприличными в светском обществе и тем более в стенах какого-нибудь европейского монастыря. Но здесь нравы были попроще, и говорливого сержанта никто не перебивал. Впрочем, никто его и не слушал, так что и смеялся своим шуткам он тоже в гордом одиночестве, нимало этим не смущаясь.

Когда трапеза закончилась и сержант вместе с падре Томасом, откланявшись, удалились, падре Альтамиро пригласил Хлебникова к себе.

Помещение, в котором жил настоятель, напоминало монашескую келью только снаружи. Внутри оно больше походило на жилище аристократа: резная дубовая мебель, мягкое канапе, шахматный столик с инкрустацией... Все говорило об утонченном вкусе хозяина и о том, что мирские привычки не совсем оставили его. О том же свидетельствовала огромная кровать с балдахином, опоры которого были украшены резвящимися амурами и нимфами. И только Библия на бюро да горящая перед распятием лампада напоминали о священном сане того, кто здесь жил.

Первую партию, протекавшую в обоюдном молчании, падре Альтамиро нарочно проиграл гостю: ничто так не расслабляет визави, как легкая победа. Расставив на доске вырезанные из слоновой кости фигуры для новой игры, настоятель первым вернулся к начатому в трапезной разговору:

— Ну, сеньор Кирилл, о какой же охоте вы хотели поговорить со мной? На морских котов или на медведя? Что до первых, так вы в свой прошлый приезд, кажется, сумели убедить сеньора де Солу в праве ваших зверобоев промысливать в заливе Сан-Франциско...

— Да, такое соглашение было подписано. И оно, я это подчеркиваю, взаимовыгодно. Вы же знаете, за право отстрела каланов мы заплатили вашему губернатору золотом...

— Тогда, может быть, мы будем говорить об охоте на тех диких зверей, из клыков которых сделаны эти фигуры? — передвигая вперед пешку, с невинным видом спросил настоятель. — Мне рассказывали, что это забавное зрелище...

— Увы, ваше преподобие, то, о чем пойдет речь, не имеет, на мой взгляд, выгод ни для одной из сторон...

— Будьте любезны объяснить...

— Ах, падре, падре! Вы же все прекрасно понимаете... — рука Хлебникова со слонем зависла в воздухе. — Меня беспокоит охота не на слонов, а на людей...

— На язычников?.. Дорогой друг, неужели вы верите слухам, что мы ловим краснокожих?

— Вот именно... И оба мы знаем, что слухи сии — вовсе не слухи! Разве я не прав, падре?

— Ну, право же, сеньор Хлебников, что вы принимаете все это так близко к сердцу? Дикари есть дикари. Сугубо для их же блага мы вытягиваем краснокожих из звериных нор, приводим их в лоно святой церкви... Кстати, вам скоро будет шах, мой дорогой друг...

— Благодарю вас за подсказку, падре, но я вижу... И все же вы уклонились от прямого ответа, святой отец: это ваши люди охотились на индейцев возле Росса?

— А что из того, если это так? — улыбка тут же сошла с лица Альтамиро. Сейчас перед Хлебниковым сидел конкистадор, готовый взяться за оружие. Но это продолжалось всего мгновение. Дипломат в падре одержал верх над солдатом. — Я пошутил, мой друг... Это все слова. А слово к делу не пришьешь. Ведь так говорят у вас, русских?.. А вот тут мы съедим у вас вашего слона... — черный конь, вынырнув из-за строя своих пешек, сделал выпад в сторону шахматного войска Хлебникова, и поверженный белый слон перекочивал на столик рядом с падре. А тот уже совсем миролюбиво закончил свою тираду: — Что же относительно краснокожих, так поверьте, сие — одно недоразумение...

— И все же не могу не заметить, что подобные недоразумения могут серьезно осложнить наши отношения и помешать той дружбе, коей, я надеюсь, мы оба дорожим... — осторожно заметил гость, совершая рокировку. — А между тем у меня к вам деловое предложение...

— Какое, мой друг?

— Вы как-то обмолвились, святой отец, о новых колоколах для миссии...

— Да, наши колокола давно нуждаются в замене... Так что вы предлагаете?

— Для начала угроза вашей королеве, падре... Я купец, ваше преподобие, и привык поступать так, чтобы узы дружбы не мешали, а, напротив, способствовали осуществлению коммерческих интересов... Исходя из этого, предлагаю сделку. Выгодную сделку, падре.

— Я готов вас выслушать, мой друг, — лицо падре снова приобрело непроницаемое выражение.

— Мы готовы отлить вам два колокола и доставить их в миссию бесплатно, только при одном условии... Если вы поможет вернуть нам индейцев, что были захвачены на днях. Я думаю, они стоят гораздо меньше, чем два первоклассных медных колокола?

– Вы, русские, не перестаете удивлять меня! – усмехнулся настоятель. – Печетесь о каких-то варварах больше, нежели о себе самих... Удивительный народ!

– Значит, по рукам?

– Ну-ну, не будем торопиться, мой друг... Партия еще не доиграна, – падре окинул взглядом фигуры и задумался. Сделать ход он так и не успел – в дверь громко постучали.

– ¿Qué quieres, hombre? – спросил Альтамиро.

Из-за двери раздался голос сержанта Кастеларо:

– Сеньор настоятель, у нас новые гости! Просят вашего разрешения зайти в миссию...

– Кто они?

– Не знаю, сеньор настоятель, но один из них назвался капитаном доном Аргуэлло...

– Так отпирай ворота! Я сейчас выйду...

Выйдя во двор миссии, Альтамиро и Хлебников оказались перед большим отрядом вооруженных людей, лица которых в темноте были неразличимы. Когда караульные принесли факелы и осветили предводителей отряда, то настоятель и его гость увидели упомянутого сержантом капитана Луиса Аргуэлло, а рядом с ним тех, с кем никак не ожидали встретиться здесь в такой час – своих общих знакомых, офицеров с фрегата «Крейсер»: лейтенанта Завалишина и мичмана Нахимова.

5

Тихо потрескивает масло в лампадке. Чадит фитилек. Огонь отбрасывает на потолок кельи причудливые тени. Но тот, кто стоит на коленях и истово молится Богу, не видит этого.

Черная повязка на лице монаха от поклонов съехала в сторону, обнажив шрамы на месте глазниц. Седые космы разметались, создавая вокруг головы белый нимб. И только рыжеватые волосы на тыльной стороне ладоней свидетельствуют, что некогда шевелюра старца имела огненный цвет.

– Господи, я – великий грешник... – бормочет молящийся. – Много зла сделал в жизни... Прости меня, прими мое покаяние... Истинно говорю Тебе: рад бы помереть, но душу до срока не выплюнешь...

Да, не зря говорят, что глаза – зеркало души. Заглянешь в них: все, что таит в себе их обладатель, откроется. Те, кто когда-то смотрел в глаза этого человека, не находили в них ничего, кроме холода и презрения к миру. Может быть, за это индейцы и прозвали его Рыбьим Глазом... Теперь у Рыбьего глаза нет ни глаз, ни прежнего имени – Генри Барбер, наводившего когда-то ужас на все американское побережье Великого океана. Знаменитый пират, капитан шхуны «Юникорн», нынче просто слепой и немощный старик. Монах-францисканец под именем падре Томас, пытающийся объяснить со Всевышним, в само существование которого он столько лет не хотел верить. Да и как можно было веровать в святость, если в жизни тебя окружали одни алчность да пороки, если самые отъявленные подонки ходили у тебя в друзьях, если ты и сам был таким же, как они, – с руками по локоть в крови... Господь и тогда давал тебе шанс стать другим, проявить милосердие к пленникам, полюбить кого-нибудь по-настоящему... Но нет, ты не слышал голоса Провидения и не щадил никого: ни крохотных младенцев, которых потехи ради скармливал акулам, ни холеных красавиц, которых отдавал на растерзание команде, а после вспарывал им животы... Можно ли после этого ждать прощения на Страшном суде? Ждет ли его старый слепец, проводящий ночи напролет в молитвах Господу? Оказывается, ждет. Потому что человеку, каким бы он ни был, нельзя без надежды...

Хотя скажи об этом кто-то сэру Генри еще лет пять-шесть назад, качался бы смельчак на рее, ибо, как рассуждал в ту пору Барбер, только виселица и могла приблизить его парней к Богу. Но не петля, а перенесенные страдания и собственная беспомощность перед миром,

который совсем недавно лежал у ног и вдруг сделался беспросветным, заставили старого морского волка уверовать в силу Божию и искать спасения в ней одной.

В перерывах между молитвами, мысленно возвращаясь в прошлое, пытается падре Томас понять того, кого когда-то приютил на шхуне и кто потом поднял руку на благодетеля. Ищет слепой монах в себе ответ: когда произошла со Смитом страшная перемена и где сам Барбер допустил просчет?

Неужели это случилось тогда, когда судовой лекарь, одноглазый Жак, вытащил Смита с того света после поединка с русским мальчишкой? На толмача тогда страшно было смотреть. От его былой силы не осталось и следа. Он сжался, почернел. Правая рука усохла, да так, что вытатуированная на ней длань дьявола скукожилась и стала походить на конечность тропического насекомого. Но главное, вслед за внешностью изменился и характер матроса. Сам сатана вселился в него. Смит, и прежде не боявшийся никого, кроме своего капитана, стал еще злее, отчаянней. Но вместе с тем изощреннее и ловчее. Перемены в Смите поначалу даже понравились сэру Генри. Тут он и совершил ошибку – назначил Смита первым помощником, посчитав, что инвалид будет ему предан до гроба и при своей телесной немощи никогда не рискнет подбить команду на бунт. А вот острый ум и преданность – качества для помощника самые подходящие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.